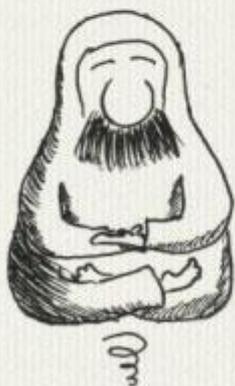

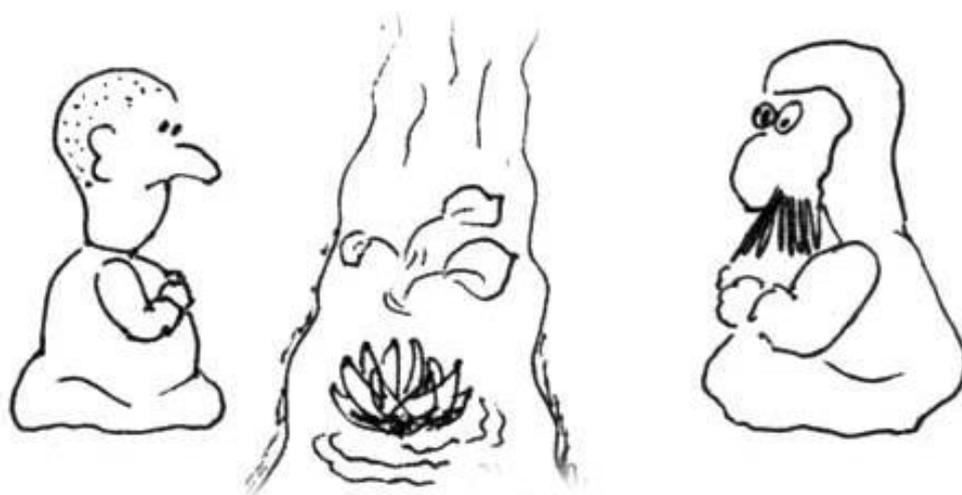
ИГОРЬ КВЕНТОР

БОДХИДХАРМА
И
ХАКУИИ
Ч.1

Игорь Квентор

Бодхидхарма и Хакуин

Игорь Квентор

Бодхидхарма и Хакуин.

Санкт-Петербург, самиздат, 2006 г.

Первая серия рассказов о великом Учителе дзэн-буддизма Бодхидхарме и его ученике Хакуине, написанные в форме баечек, в чём-то аналогичных древним коанам. Каждая баечка — это отдельная ситуация, обыгранная в духе дзэн, с присущими ему искромётным юмором и глубиной.

© И. Квентор, 2006 г.

ОТ АВТОРА

Впервые эти короткие истории (баечки) про патриарха дзэн-буддизма Бодхидхарму и его ученика Хакуина появились в 2005 году. В качестве вдохновения для меня послужила книга Вон Кью-Кита «Энциклопедия дзэн» (М.: Фаир-Пресс, 1999).

На самом деле Хакуин никогда не был учеником великого Бодхидхармы (или как его еще называли — Дамо). Преемником его стал Хуэйкэ (Цзигуан), известный тем, что, не моргнув глазом, оттыпал себе левую руку ножиком, дабы пробудиться.

Хакуин же считается отцом современного дзэн толка Риндзай. Он жил в Японии на тысячу с лишним лет позже Бодхидхармы. Знаменит Хакуин своим коаном про хлопок одной ладони. Он вообще активно продвигал концепцию коанов, как наиболее эффективную практику для обретения просветления.

Почему же я в своих рассказах сделал Хакуина учеником самого Бодхидхармы? Сложно сказать. Может, имя Хакуина мне больше приглянулось, чем Хуэйкэ, а может, в этом была какая-то странная связь поколений патриархов дзэн. Я уже не помню.

Сами рассказы в основном построены по принципу своеобразных коанов, или даже скорее абсурдных ситуаций, случавшихся с Учителем и его учеником в повседневной жизни. При этом Бодхидхарма, как и положено, жил в пещере, а Хакуин в палатке снаружи. У Хакуина, пока еще не достигшего просветления, постоянно случались какие-то траблы, из которых Учитель его вечно вытаскивал.

Не смотря на то, что герои обитают в далеком прошлом, они всю пользуются современными вещами типа мопеда или совковой бас-гитары марки «Урал». Время здесь более чем условно.

Хакуин не дурак пожрать от пуза, а Учитель чаще всего обретается в какой-нибудь медитации. Для них не проблема запрыгнуть на верхушку самой высокой сосны, или просидеть в сугробе несколько месяцев или даже веков, или же подраться неделю-другую без перерыва.

Примерно с десятого рассказа сюжеты стали появляться сами собой из моей собственной повседневности (про желания, про гаишников, про сны и пр.). Это было довольно забавно. Порой я сам себя ощущал бестолковым Хакуином, которому не помешал бы такой мудрый Учитель.

На сегодняшний день написано более 50 рассказов-миниатюр про Бодхидхарму и Хакуина. Со временем ко всем я сам нарисовал иллюстрации. Мне всегда хотелось это сделать. Но так как я видел своих героев по-своему, то доверить такое важное дело постороннему иллюстратору не смог. Поэтому пришлось справляться самому. Не профессионально — да. Но мне пофигу! Главное — мне самому нравится.

Вэлкам! И да пребудет с вами дух Папаши Педро!

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Вселенную за то, что послала мне когда-то правильную книгу!

Благодарю мою прекрасную жену Ольгу Травинку за поддержку и вдохновение. Ты мой самый первый и самый лучший читатель!

Благодарю Интернет-портал Проза.ру за мои самые первые публикации в сети!

Благодарю ленинградских митьков за то, что вы когда-то были и здорово всех нас вдохновляли. Дык!

Также хочу поблагодарить всех читателей за ваше внимание и потраченное время. Надеюсь, не впустую.

Вэлкам! :)

ЭПИГРАФ

От Травинки:

*Как трудно быть адептом...
Порой премудрость мира
Ты постигаешь не умом,
А... синяками...*

*И пусть гуру твой мудр,
Как тысяча Драконов,
Бывает, что ему приходится
Учиться у тебя...*

САМОСТЬ

Однажды Хакуин пришёл к Бодхидхарме и спросил:

– Как ты думаешь, Учитель, возможно ли к моей Самости добавить ещё чуток?

Но Бодхидхарма не ответил, так как предавался краткой, послеобеденной медитации и обрелся в соседнем измерении. Только носом шмыгнул слегка.

Хакуин постоял немного перед Учителем с вежливой улыбкой. Потом ещё немного постоял. Потом ещё чуть-чуть. Но тот не спешил выныривать в Сансару и даже бровью не дрогнул. Тогда Хакуин взобрался на крышу дома и с громким криком спрыгнул на землю, топнув при этом весьма оглушительно. В небо взметнулись тучи пыли и песка.

Когда мир пришёл в некое подобие равновесия, Бодхидхарма недовольно пожевал губами, приоткрыл левый глаз и, косясь на взмокшего от усердия ученика, глухо пробурчал:

– И чё те неймётся, паршивец? На кой ляд тебе ещё Самости?

– Так эта, а чё, нафиг?

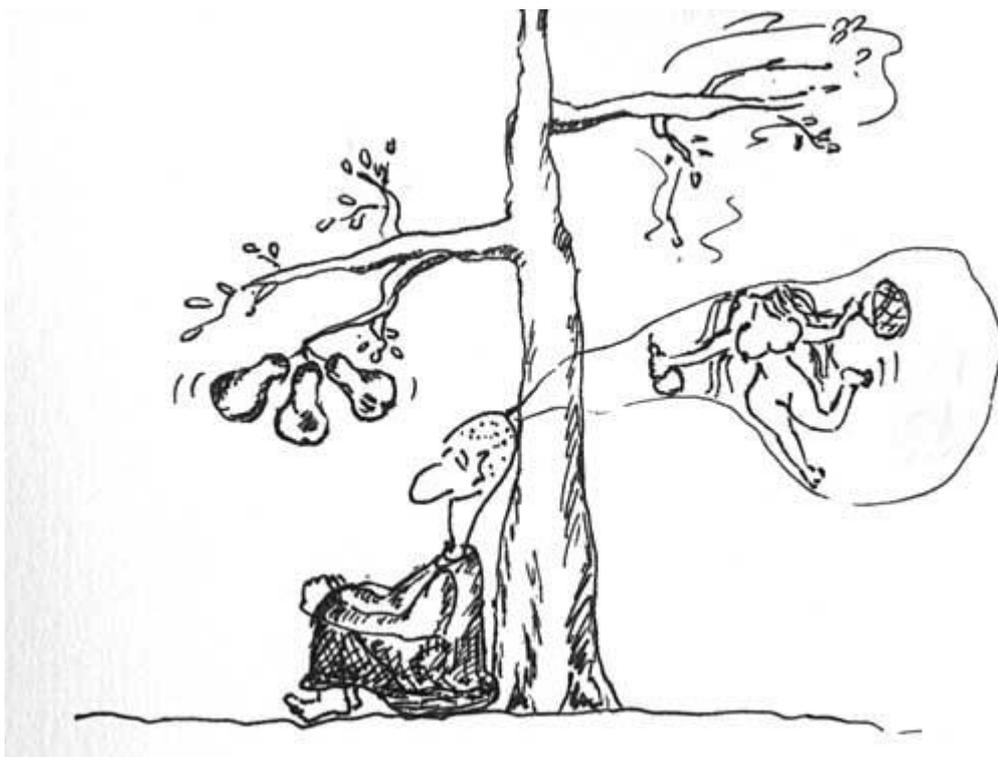
– Вот и я говорю – нафиг?

– Не, ну чтоб была. Про запас.

– Экий же ты бестолковый, приятель. Самость нельзя иметь про запас. Она или есть, или нет. Другого не дано. Сгоняй-ка лучше, брат, за пивом.

Хакуин расстроенный отошёл.

ГРУША

Хакуин сидел под старой грушей, прислонившись спиной к нагретому за день стволу дерева. Прямо перед носом с длинной ветки свисали три полнокровных плода, маня сочными, красно-зелёными боками и дивным ароматом. Хакуин молча давился слюной. Он терпел.

В мечтах своих он наслаждался неземным вкусом и нежной мякотью груш, представляя себе целую корзину фруктов. Нет, скорее даже – две. Неважно, что с такого обилия ботвы могло сильно расслабить. Сие вполне можно было бы списать на суетность и кармическую обусловленность этого мира. Ничто не могло сейчас нарушить благостное состояние адепта.

Мечты уже рисовали в его воображении райские сады пастельных оттенков с юными и такими соблазнительными сборщицами фруктов. Девушки легко и непринуждённо перелетали с ветки на ветку, словно райские птицы, и пели так сладко, что даже глухой бы и тот потерял рассудок. Сам Хакуин восседал на высоченном троне из чистого золота и яшмы, обмахиваясь пёстрым веером из павлиньих перьев. Нет, не так. Это прелестные райские девицы обмахивали его распалённое тело, приводя всю его Самость в неземное блаженство.

Однако и впрямь стало поддувать. Хакуин капризно помялся, почесался спиной о шершавый ствол и открыл глаза. Мир нарисовался в своём обычном облике, только сочные груши перед носом слегка раскачивались от дуновения ветерка.

Внезапно ветер резко усилился, потом дунул ещё сильнее, а затем легко перешёл в разряд среднего веса урагана. Старое дерево загудело и грозно замахало ветвями. Груши моментально как языком слизнуло. Вот, вроде бы, только что тут висели, и нету! Дерево затрещало по швам, тоскливо скрипнуло напоследок, а затем умерло, оставив после себя корявый пенёк.

Хакуин подозрительно покосился на бушующую стихию, и показалось ему во всём её облики нечто сильно знакомое. Он предусмотрительно рухнул на коленки и вскричал:

– Склоняюсь перед твоим могуществом, о Великий Учитель, ибо ведаю, что это есть ты!

Ветер также внезапно стих, как и начался. Когда пыль рассеялась, то на пне от груши Хакуин увидел восседавшего Бодхидхарму. Тот смачно пережёвывал плоды, выпучив глаза от усердия и громко чавкая. Вся рубаха на его груди была залита грушевым соком. На миг Хакуину померещилось, что Учитель пережёвывает его неземную мечту. Он бросился оземь и немного побился в истерике.

– Да ладно тебе, приятель, – снисходительно похлопал его по спине Учитель. – Это всего лишь груши. Я думал, ты сам их съешь, да только не было больше мочи смотреть, как ты тянешь резину. На вот, одну я для тебя приберёг.

Хакуин молча взял тяжёлый плод, поклонился в знак благодарности и со всего маху вонзил зубы в сочную мякоть. На глазах его выступили слёзы. Ещё бы! Груша оказалась нестерпимо кислой!

Учитель беззлобно рассмеялся и назидательно поднял указательный палец к небу:

– Ото тож!

ПУСТОТА

Бодхидхарма снарядил Хакуина волшебным подзатыльником, от чего адепт временно прозрел, а затем спросил:

– Что наблюдаешь?

– Дак эта, темно нафиг!

– Вот балда! А ты думал, тут фонарики повсюду развешаны? Пустота, брат, на то и Пустота, чтобы было темно. Хотя и это лишь иллюзия. На самом деле нет никакой темноты.

Хакуин в сомнении нахмурил брови.

– Что-то я никак не догоняю, Учитель, чего тут ТАКОГО замечательного, чтобы я гробил свои лучшие годы на эту бодягу?

Бодхидхарма слегка озадачился. Он поглядел на адепта справа, слева, снизу и сверху, словно видел его впервые. Потом почесал за ухом и нерешительно молвил:

– Ну, э-э-э, ты это, таво!

– Чего таво?

– Так ты ж сам ко мне пришёл, али запомнил?

Хакуин ещё сильнее наморщил лоб, аж из ноздрей дым повалил. Бодхидхарма благоразумно решил, что пора адепта из Пустоты вытаскивать. Да не тут-то было! Олух зацепился тапком за край Вселенной и орал благим матом, типа мозоль, приобретённую в детстве, зацемил. Бодхидхарма весь взмок от натуги, однако дело застопорилось окончательно.

Мало того, из Пустоты к Хакуину стали проявлять интерес всякие нездоровые личности непотребной наружности. Пустота ведь штука относительная – это и всё и ничего одновременно. Им явно пришёлся по вкусу исходящий матюками адепт. Пришлось Учителю применить опасный и очень болезненный приём. Он выхватил свободной ногой из-за пазухи кривой меч и отсёк ступню Хакуина вместе с тапком.

Окно в Пустоту мгновенно захлопнулось с оглушительным грохотом, словно над самой головой стартанул поперёд звука военный самолёт.

Хакуин молча покосился сначала на обрубок ноги, а потом с лёгкой укоризной на Учителя.

– Я, конечно, понимаю, что могло бы быть хуже, но зачем так-то?

– Вот тебе яблоко! Съешь его незамедлительно.

Хакуин скорчил кислую гримасу, но ослушаться Учителя не посмел. Съел.

К его бесконечному удивлению нога моментально выросла заново и даже оказалась чисто вымытой. На его вопросительный взгляд Бодхидхарма хотел, было, назидательно поднять палец к небу, но затем просто махнул рукой и сказал:

– Тормоз ты, Хакуин. Нельзя тебе в Пустоту. Пока.

КУРЕВО

Хакуин загибал по-очереди пальцы и вещал менторским тоном:

– Я семена холил и лелеял; я со всей присущей мне аккуратностью их вымачивал и сажал в землю, потом также усердно ухаживал за посадками, оберегал от птицы и зверя и прочих тёмных личностей, в стужу и зной, ночью и днём, без сна и передыху. Потом всё, вплоть до последнего листика, тщательнейшим образом собрал и высушил по тайному рецепту и, наконец, вручил тебе, о мой Учитель, эту прекрасную трубку с табаком, которую ты сейчас смолишь почём зря. Так скажи же мне, почему ты куришь, а я терпеть не могу табачного дыму?

Бодхидхарма подумал слегка, оглянулся на всякий случай и шёпотом молвил:

– Сиречь землю нашу Великую паки-паки тёмный хан призыврил и надругаться возжелал!

– Чё?

– Табу говорю!

– Кончай мудрить, ответь по-хорошему.

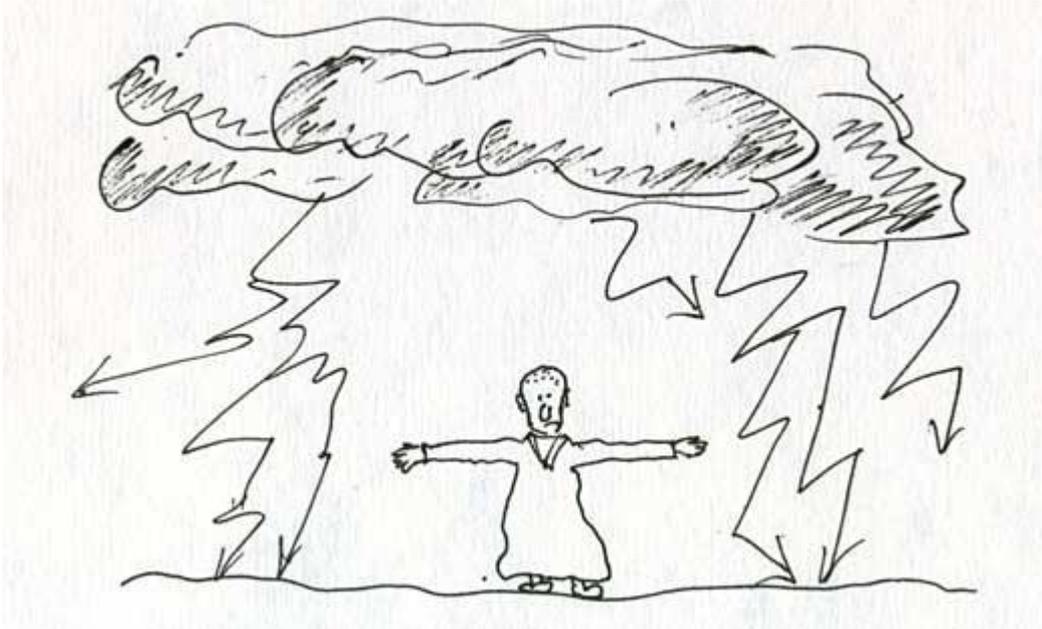
При этих словах Хакуин надулся в жилах и основательно поводитил увесистым кулаком перед сизым носом Учителя.

– Так я и говорю: не можешь – не кури.

– Так ведь обидно, ваще!

Бодхидхарма ничего не ответил, а только назидательно покачал головой и несколько раз подмигнул правым глазом. Для ясности. Хакуин к тому времени ещё не прозрел.

ГРОЗА

Хакуин сидел на берегу моря и пел старинную грустную песню:

*Солнце встаёт над рекой Хуанхэ,
Китайцы в поле пошли-и-и,
Горсточка риса в правой руке,
А в левой ки-и-и-парис...*

– Кончай ныть, – вяло буркнул рыбак. Его тоже разморило на полуденном солнце, и глядеть на бесполезный поплавок совершенно не хотелось.

– Да пошёл ты, – так же вяло отмахнулся адепт.

Типа поговорили.

К вечеру стало совсем душно. Воздух прямо-таки плавился и с трудом проникал в организмы всех живущих в округе. Однако вскоре небо сильно потемнело, намекая на скорую грозу. Ждать долго не пришлось. Уже через пару минут с южной стороны моря к берегу стремительно неслась приличных размеров туча, намереваясь всё тут хорошенько оросить, пострелять молниями, ну и туда-сюда.

Хакуин молча наблюдал сие творение природы, не зная, сразу начать материться или обождать. Охладиться, конечно, не помешало бы, но вот гром и молнии – это не всегда приятно.

Рыбак предпочёл благополучно смыться восвояси, и Хакуин остался на берегу совершенно один. Более того, теперь он являлся самой высокой и единственной точкой на несколько километров вокруг и справедливо рассудил, что хоть одна-то из молний обязательно тукнет по темечку. Он нисколечко не боялся. А чё бояться-то? Даже прикольно будет. Глядишь, так и в Нирвану плюхнешься ненароком. Всяко ведь бывает.

Из пещеры высунул нос Учитель. Поглядел на адепта, покачал головой, но ничего говорить не стал. Пусть перебесится человек.

Шторм налетел с воплями и свистами, как банда кочевников. Вокруг адепта молнии сыпались веером, но ни одна из них почему-то его не задевала. Хакуин даже руки раскинул в стороны, но всё напрасно.

– Чё за ботва? – нахмурился адепт.

Тут прямо с неба так свирепо окликнули, что Хакуин рухнул на пятую точку от неожиданности.

– Ты что ж, поганец, делаешь, а?! Жить надоело?!?

– Дык эта... А чё я-то сразу? – поспешил спрятать руки в карманы Хакуин.

– А вот я те сейчас уши поотрываю напрочь, тогда поймёшь. Пшёл вон отседа!

Хакуин поспешил укрыться в пещере, а пока бежал, то украдкой поглядывал наверх. Но ничего кроме иссиня-чёрных туч не смог разглядеть.

В пещере Учитель мирно дремал у камина, посасывая старинный чубук – подарок гетмана. Один глаз, как всегда, был открыт и наблюдал Пустоту, а другой беспробудно дрых. Хакуин осторожно потряс Учителя за рукав, чтобы тот его спросонок не порубил невзначай в мелкий фарш, и спросил:

– Скажи, Учитель, почему меня молнии не тронули?

– А на кой ляд ты им сдался? У них, чай, и без тебя забот хватает.

– Не, ну правда. Я же и руки подставлял, а они убегают. Да ещё голос этот жуткий.

– Голос?

– Ага. Пообещал уши оборвать.

Учитель утробно заухал, обозначая тем самым что-то вроде смеха. Потом дунул в лицо адепта ароматным дымом и отвесил звонкий подзатыльник.

– Тормоз ты, Хакуин. Это ж дядька Черномор был! Скажи спасибо, что не испепелил без остатку. У него это не заржавеет.

Хакуин почесал озадаченно загривок.

– Так вот я и не пойму ни фиги, чего это он меня так просто отпустил?

– Всему своё время, голова садовая. Была б нужда – уколошил бы, не спрашивая.

– И чё, вот если я сейчас с обрыва сигану, а срок мой ещё не подошёл, так мне ничего и не будет?

Бодхидхарма долгим, изучающим взглядом окинул ученика с головы до ног, сплюнул в урну и сказал:

– Нет предела разуму, как нет и предела безумию, но постичь сию беспредельность не дано живущим в мире. Сгоняй-ка, брат, лучше за куревом.

СТАРЫЕ КЕДЫ

Ранним, весенним утром Бодхидхарма вышел из пещеры и сладко потянулся.

– Медитация – сила, но почавкать тоже не грех!

Внезапно пронизательный взгляд Учителя разом окинул окрестность и заметил висящие на сучке тысячелетней сосны старые, стоптанные кеды.

– Мои, – справедливо подумал Бодхидхарма и чуть нахмурился.

Это означало только одно: Хакуин где-то поблизости. Долго искать не пришлось, так как адепт восседал в «лотосе» у самого дерева и внимательно разглядывал обувь. Что-то нехорошее заворчалось в душе Учителя. Стараясь не спугнуть Хакуина, он тихо подкрался сзади и вкрадчиво так поинтересовался:

– Ну, чё?

Хакуин сделал вид, будто не заметил Учителя, а сам изготовился бежать галопом или биться с ним до лютой смерти. Но тут же ему в голову пришла блестящая идея.

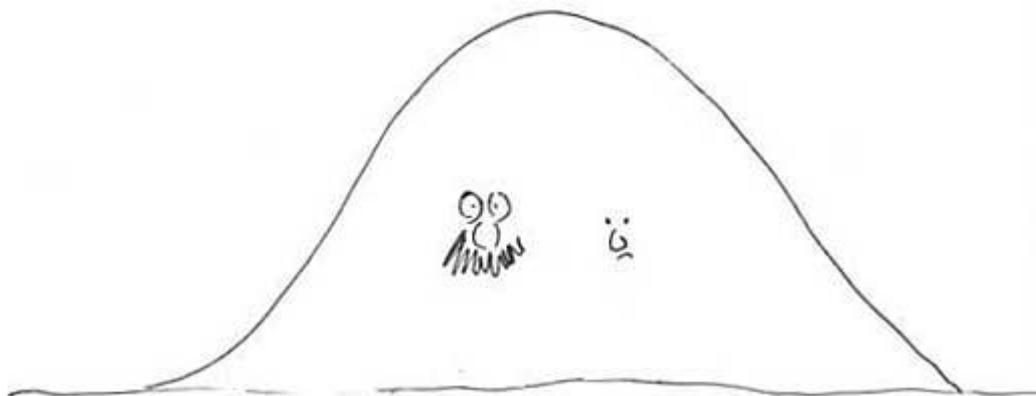
Оглушительно чихнув и слегка забрызгав Учителя, он изловчился, высоко подпрыгнул и сумел прямо в воздухе обуться в старые кеды и даже завязать шнурки, прежде чем вновь коснулся земли.

Однако сами кеды оказались с секретом: стоило их кому-нибудь надеть (кроме хозяина конечно), как ноги уже не принадлежали интервенту, а шустрик выделывал такие фокусы, что только кости трещали. В мгновение ока Хакуина унесло в небеса – только его и видели. Лишь полы просторного халата упруго хлопнули на ветру.

Эдак носило его в небесах ровно двенадцать лет. Всё это время Бодхидхарма смолил трубку и предавался курительной медитации. По окончании означенного срока Хакуин резво спустился с неба в приподнятом настроении и вопросительно-заискивающим выражением в глазах, имея в виду грозящее прозрение. Но Учитель только недовольно поморщился и сказал:

– Ноги помой.

ВРЕМЯ

Однажды зимой Бодхидхарма и Хакуин замёрзли в сугробе и проторчали в нелепых позах почти четыре месяца. Соображать могли, а двинуться – ни грамма. Говорить тоже не получалось, поэтому трепались мысленно.

– Вот скажи мне, о Учитель, – помыслил адепт, – время есть или нет?

Бодхидхарма мысленно вскинул брови, подумал слегка и ответил:

– Определённо.

– Что определённо?

– То, о чём ты меня сейчас спросил, – рыкнул Учитель так же мысленно. Хакуин скорчил в своём воображении кислую мину.

– Не, ну я не понял ни фиги.

Лёд, окружавший их плотной массой, чуть нагрелся и стал слегка потрескивать – Учитель был недоволен.

– Время, о котором ты меня сейчас спросил, конечно же, существует. Оно в твоих мыслях и желаниях. Ведь ты подразумевал скорейшее и безвозвратное освобождение из нашего ледяного плена, не так ли?

– Ну да, – вынужден был согласиться адепт.

– Значит, для тебя оно существует.

Хакуин хитро прищурился:

– Чё-та ты гонишь, о Учитель. Я, кажись, не один тут вмёрз в ледышку. Или ты хочешь сказать, что тебя тут нет?

– Сам ты гонишь! Я, конечно же, тоже здесь и сейчас отмораживаю собственный зад, но для меня времени нет.

– Как так?

– А вот так. Пока я о нём не думаю его, стало быть, и нет.

– Бодяга какая-то, – расстроился Хакуин.

Помолчали немного. Над миром в это самое время проносились облака и метели, люди пьянствовали Новый Год и прочие праздники, рождались и помирали, запускали ракеты или забуривались глубоко в землю в поисках чёрного золота, спорили, дрались, любили и поносили, пели или просто орали, падали, вставали, стучались лбами, встречались и расставались «навсегда», делали ещё уйму нужных или бесполезных дел.

Короче, жизнь варилась и кипела. Но тут, в объятии снега и льда было так тихо, словно никакого мира и не существовало вовсе. Быть может, именно поэтому Хакуин выглядел несколько обеспокоенным, всерьёз опасаясь за свой рассудок. А Учитель предавался безразличной медитации, и ему всё было до лампочки.

Через месяц Хакуин опять мысленно заворочался и спросил:

– Ну чё? Скажешь, и сейчас времени нет?

Учитель ничего не ответил, а только громко чихнул и разрушил их ледяные оковы в один миг. У Хакуина лицо вытянулось до земли.

– Э-э-э... Я чё-та не понял... Ты специально, что ли, так прикололся?

– Может быть, – невозмутимо ответил Бодхидхарма, делая силовую гимнастику и разминая затёкшие конечности.

– Может быть?! Может быть!!! Ты чё, за дурня меня держишь?!?

Тут они немного подрались для выяснения, у кого правды больше. Учитель успел хорошенько размяться и потому лихо намял бока адепту. Хакуину нечем было возразить. На том и помирились.

Уже поздно вечером, сидя на лавке у плетня и прихлёбывая горячайший зелёный чай из непомерных блюдец, они откровенно любовались закатом и поминутно утирали сопли, так как всё-таки кой-чего отморозили чуток. Хакуин сиял лицом ярче самовара, громко погрызая сахар-рафинад и периодически вздрагивая всей Самостью от лёгкого озноба.

Бодхидхарма шумно выдохнул после десятого блюда и довольно произнёс:

– А вот сейчас время есть.

– Это теперь почему? – не понял ученик.

– Потому что я так хочу, и для меня оно теперь есть. Или ты снова хочешь поспорить?

При этом Учитель ненавязчиво погрозил Ученику заряженным револьвером.

– Не-а, – расплылся счастливой улыбкой адепт, – Не охота.

– То-то ж!

ЗАНОЗА

Хакуин вот уже битых три часа кряду прыгал с ветки тысячелетней сосны на землю и никак не мог понять, почему он летит всегда вниз, а не вбок или вверх. Ведь воздух везде один и тот же. И снизу он ничуть не мягче и не твёрже, чем сверху.

От сильного мозгового напряжения ломило уши и тяжело зевалось, но адепт продолжал упорно плюхаться оземь, распаяясь всё сильнее и яростно втаптывая первые лопухи обратно в землю.

Бодхидхарма долго наблюдал это безобразие, сохраняя на безмятежном лице улыбку Будды. Пусть резвится ученик. Зато с глупыми вопросами не достаёт.

Хакуин в последний раз сиганул с ветки, но тут же дико заверещал, да так, что хан Батый удавился бы от зависти.

– Ё... ..дец! А-а-а, падла-а-а!!! На! На! Получи сволочь!!!

При этом он скакал на одной ноге, кого-то там ещё втаптывая в пыль кроме лопухов, а вторую зажал под мышкой и сильно морщился, словно съел ведро лимонов. Нога, та, что под мышкой, моментально опухла размера на четыре и неумолимо продолжала раздуваться.

– Ой, люди добрые-е-е, – заблажил адепт, – Что жы ж это деется-а-а-а?! Спасайте ж кто-нибудь, а то помру ведь сию минуту, и вам всем будет стыдно до скончания веку-у-у!!! (дальше сугубо матерно).

Бодхидхарма кряхтя слез с табуретки, досадливо сплюнул в урну и отвесил ученику такого звонкого щелчка, что треснули десять банок с вареньем в подполе.

– Ты что ж, подлец, мировую упорядоченность нарушаешь? Жить надоело?

И пригрозил пучком сабель.

– Заноза, сволочь! – сквозь слёзы выдавил Хакуин.

– Это она тебе отомстила за лопухи, – веско сказал Бодхидхарма. – Лопухи – её дети.

Хакуин застыл на месте с открытым ртом и, казалось, уже совершенно позабыл о боли.

– Дети? – удивился адепт.

– Видишь, шип какой кривой и жёсткий? Это кусок корня. Обычно он мягкий и сочный, а ты так ему надоел, что он превратился в камень и впился в твою бестолковую пятку. А ну, чихни!

– Так эта...

– Чихни, говорю, бестолочь! Или ты и впрямь помереть собрался?

Хакуин в отчаянии завертел головой, не зная как поступить. Чихать по заказу он ещё не научился. Тогда Учитель схватил его за уши и поворотил носом на Солнце. От яркого света в носу адепта сильно защипало, дыхание перехватило, и с оглушительным грохотом он сыпанул соплями на дюжину миль вокруг.

Занозу вынесло как пулю из пистоля. Отпустила.

Нога, правда, ещё с год оставалась сильно опухшей, и Хакуин одолжил на время у местного великана один старый сапог. Для временного ношения.

А лопух, зараза, всё равно выжил.

КНИГА СУДЕБ

Хакуин лихо подкатил к пещере Учителя на синей «шахе», выскочил наружу и побился немного в истерике, валяясь в пыли, посыпая бритый затылок пеплом и матерясь весьма жестоко. Слов было почти не разобрать, но по интонации легко было догадаться, что адепт попал на бабки, благодаря доблестным продавцам полосатых палок.

Бодхидхарма выкатился из пещеры колесом, легко жонглируя ножом и картошкой. При этом сочные корнеплоды ловко очищались от кожуры и сами прыгали в котелок.

– Чё шумим? – осведомился Учитель.

– А-а-а! Мать... б... козлы, нна!

– Ну, это ты со зла, – попытался он успокоить адепта.

– Не, ну это чиста заподляна, в натуре!

Учитель с удивлением воззрился на бушующего Хакуина и спросил озадаченно:

– Ты где ж это, паршивец, таких слов набрался? Опять, небось, грачевал по ночам?

– Награчуешь тут, – огрызнулся ученик, но всё же временно затих.

Помолчали немного. Мимо прошагал отряд пионеров с барабанами и дудками. От шума, который они производили весьма отчаянно, с деревьев осыпались листья, и разбегались в разные стороны тараканы. Следом проплыли три подводные лодки, шесть пиратских каравелл, половинка «Боинга» и четверо подозрительных типов шпионской наружности. Ничего из этого не видел только Хакуин. Он пребывал в той странной прострации, которая ещё не Нирвана, но уже и не «тут и сейчас».

Когда, наконец, глаз его слегка прояснился, Учитель мгновенно потребовал объяснений.

– Да понимаешь, – как-то вяло начал Хакуин, – Еду я еду, никого не трогаю, не подрезаю и вообще плетусь, как «чайник», километров 70 в час. Смотрю, бензина самый

краешек остался. Лампочка горит красным глазом и требует пожрать. Делать нечего, рулю на заправку. Ну, ты знаешь, какую.

Учитель чинно кивнул.

– Ну, и вырулил я с другой стороны под «кирпич», чтобы, значит, путь срезать. И представляешь, мимо меня несётся ДПСник, а я, как дурак, стою под «кирпичом» и мигаю левым поворотником. Мне бы свалить по-тихому назад, так нет же: дождался, пока ментяра типа отъедет подальше и дую следом.

А он хитрый оказался. Развернулся недалече и пилит так неспеша мне навстречу и эдак палкой своей гадской помахивает. Короче, бабок содрал немеряно, так ещё и заставил развернуться и проехать в объезд, как и положено. Так я и прокатился лишний пяток километров как распоследний муд... э-э-э...нехороший человек.

Бодхидхарма хитро прищурился, покачал головой и резонно заметил:

– Слаб ты ещё умом, о мой бестолковый ученик.

– Это ещё почему? – надулся Хакуин.

– Не видишь простого в сложном и сложного в простом. Ты заглядывал сегодня в книгу Судеб?

– А чё я там потерял? И так каждый понедельник зубрю эту громадину, а толку никакого.

– Это потому, что ты не видишь простого действия в сложном описании событий. А простого там было всего ничего – не будь сегодня этой твоей встречи с доблестным служителем дорожной полиции, не разговаривать бы тебе сейчас со мной.

– О как! А чё так-то?

– А ты сам глянь.

Хакуин, предчувствуя что-то малоприятное, засунул нос в огромный фолиант и, конечно, ничего толкового не увидел. Пришлось Учителю дать ему волшебного пинка. Адепт, получив мгновенное ускорение, временно прозрел и ясно увидел мрачную картину: его машина покоилась под колёсами громадного грузовика, расплющенная в блин, а сам он висел на ближайшем дереве без всяческих признаков живого Хакуина.

– Видишь?

– Угу, – с трудом ответил ученик, судорожно сглотнув.

– Твой «ментяра» спас тебя, даже не подозревая об этом. А всё потому, что вы все, бестолочи, не хотите изучать книгу Судеб, а всё норовите абы как, да на авось. Пшёл с глаз моих!

Хакуин притихший отошёл.

ЛЕТО

Хакуин глянул на градусник за окном и нахмурился: красный столбик упорно полз вверх, видимо, намереваясь выскочить совсем из тонюсенькой трубочки. Что-то нехорошее заворчалось в памяти адепта. Что-то связанное со ртутью и её пагубным влиянием на молодой организм. Он опасливо оглянулся в поисках Учителя. Тот невозмутимо выколачивал пыль из старинной широкополой шляпы, имея веское желание пойти прогуляться.

– Однако лето началось, – молвил он со знанием дела.

– Ага, жарница – градусов сто! – выпалил Хакуин.

– Ну, это ты, братец, загнул. Сто не бывает.

– Да у нас градусник скоро лопнет нафиг, а ты говоришь, не бывает.

Бодхидхарма прилип носом к стеклу и воззрился на предмет спора. До верхней пупочки не хватало совсем чуть-чуть. Он почесал затылок, примерил шляпу (самый ништяк!) и звонко отвесил ученику подзатыльник.

– Нехорошее ты слово, Хакуин! Нету в тебе никакой полезной смекалки. Ну-ка живо сгоняй в хозмаг и купи термометр от г-на Фаренгейта. Там делений гораздо больше.

– Фарен... что?

– А повертись-ка, я на твоём бритом затылке сейчас записку напишу продавщице. Она поймёт.

Надев сандалии, Хакуин опасливо высунул нос из пещеры. Солнце жарило прилично, хотя и не увлекалось слишком. Для большинства обитателей Поднебесной – в самый как раз. Лето – оно и в Африке лето. Чего уж тут.

Птицы, отрубив утренний концерт, всюю занимались хозяйством и готовились к приёму пополнения. Всевозможная пернатая мелочь, типа: мухи, осы, пчёлы и слепни носились, как ополоумевшие, высунув языки и часто-часто дыша. В своей суете они очень походили на горожан, вечно куда-то спешащих. В противовес им по земле неторопливо топали жуки и улитки, а также флегматичные дождевые черви, которые вообще никогда и никуда не торопились. Они-то прекрасно знали, что всё когда-нибудь достанется им.

Адепт на всякий случай накинул старый узбекский халат и выпил пять пиал зелёного чая. Так научил его один аксакал заезжий.

Пока пилил в лавку, стало совсем невмоготу. Халат прилипал к телу, заставляя адепта немилосердно чесаться, а кургузый картуз так и норовил впиться в череп, словно сырая шкура верблюда. Видя такое дело, Татхагата сжалился над бедным адептом и помыслил о прохладном озере. Последнее мгновенно материализовалось прямо перед носом Хакуина и теперь манило свежестью и неземным блаженством.

Адепт опасливо подошёл к воде, всё ещё полагая, что это мираж, рождённый его расплавленным мозгом, скинул сандаля, пощупал воду пяткой и уже через мгновение плыл как заправский спортсмен, шумно и весело отплёвываясь. Кроме него в чудесном озере не было ни души. Даже рыбы не плескались, а на дне, которое было прекрасно видно сквозь толщу воды, не произрастало ни одного растения. От всеобъемлющего счастья и восторга Хакуин даже не матерился а только выкрикивал невнятные звуки, больше похожие на вопли сумасшедшего.

Эдак он плескался и плавал аж до захода солнца. Когда же сил на вопли и купание не осталось вовсе, он выполз на берег, растянулся на остывающем песке и произнёс только одно слово:

– Кайф!

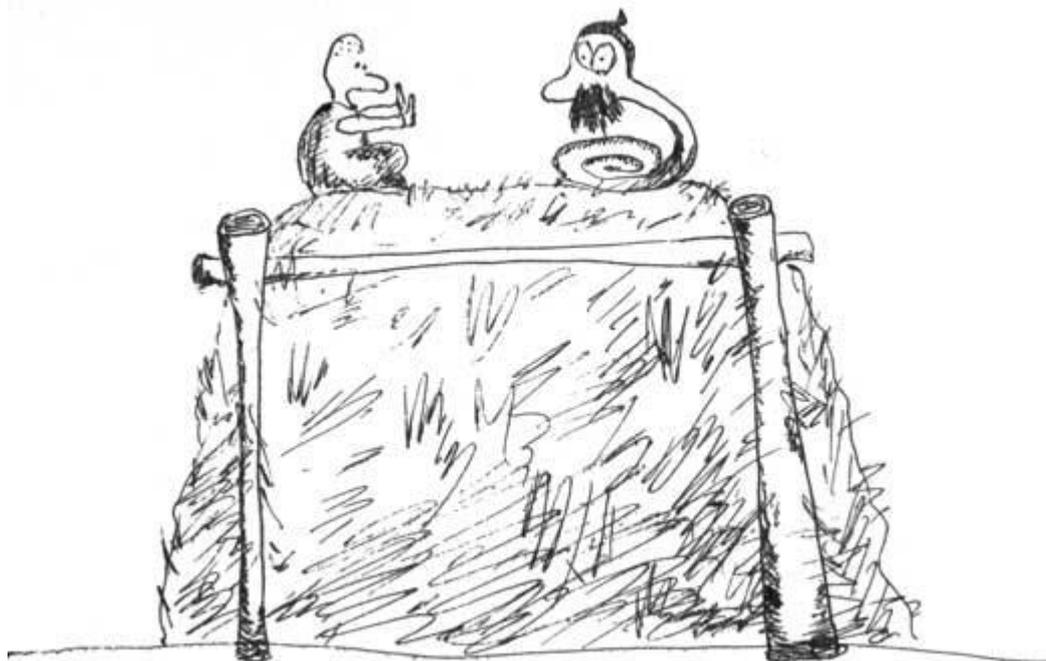
– Определённо, – заметил Бодхидхарма, неслышно нарисовавшийся из Пустоты. – Сансара иногда чертовски хороша!

– Ага, чтоб я лопнул! – ощерился Хакуин от уха до уха.

– Всему своё время...

Лето вступило в свои права и отдавать их пока никому не собиралось.

ЗМЕЙ

Однажды летом Хакуин решил сходить на гору Линшань, дабы набраться духовной мощи и немного очиститься от суетных мыслей и желаний. Быстро оделся, почистил зубы, вытряхнул пыль из широкополой шляпы и был таков. Правда, перед тем как напялить головной убор на соответствующее место, спросил у него:

– Что есть «Я»?

Шляпа подумала некоторое время, но решила промолчать. Мало ли.

До горы ходу было недели две. Да всё околицами, да огородами. Прямой дороги ещё не построили. К концу первого дня пути адепт совершенно выбился из сил и еле взобрался на чей-то сеновал, намереваясь отдохнуть. Над головой ярко сияли крупные звёзды. Изредка на их фоне бесшумной тенью мелькали летучие мыши, навевая тревожные мысли.

Уже почти засыпая, Хакуин почувствовал, как что-то или кто-то завозился под ним в сене. Внутри адепта моментально всё похолодело, а на тело напал железный столбняк. Застывшим взглядом Хакуин приметил, как со стороны левой пятки из-под него с матерной руганью выполз громадный удав. Зверюга явно разозлилась.

– Ш-ш-ш!!! Ты что ж, паразит, творишь, мать твою!?

– Ик! – только и смог ответить Хакуин.

От смертельного ужаса даже икота получалась какая-то сдавленная и совершенно неестественная. Змей заподозрил, что адепт до кучи ещё и издевается над ним. Он со всего маху хлестанул хвостом по физиономии Хакуина, но тот даже не дёрнулся. Только синяк надулся крепко.

– Ты чё, немой? – уже более миролюбиво спросил Змей.

Хакуин отрицательно замотал головой, хотя внятно ответить не смог.

– Колись, засранец, кто есть такой и откуда?

– М-м-м... Ик! М-м-м-ы... Не местные м-мы...

– Сам вижу. Куда пойдёшь?

Хакуин прочёл про себя пяток молитв и несколько успокоился.

– Да вот, – ответил он как можно безразличнее, – решил до горы Линшань прошвырнуться. Так, мозги проветрить, туда-сюда...

Змей неожиданно гулко рассмеялся, отчего хозяева сеновала в доме напротив судорожно перекрестились и, на всякий случай, приготовили вилы и топоры.

– Да ты гонишь! – смеялся Змей. – Ты, и на гору Линшань? Вот умора!

Хакуин насупился.

– Не, а чё такое-то, блин?

Змея чуть ли не выворачивало наизнанку, эдак он зашёлся в гомерическом хохоте. Хозяева сеновала отложили в сторону вилы и топоры и померли со страху.

– Не, а чё такое-то? – повторил Хакуин более настойчиво и ещё пуще насупился.

Змей прекратил смеяться резко и неожиданно.

– Ты тормоз, Хакуин. На гору Линшань взбираются только ополоумевшие Даосы и иже с ними. Тебя туда и близко не подпустят. Кроме того, ты ещё только в двух неделях без одного дня пути от горы. А топать предстоит через стойбища диких кочевников, злобных хунвэйбинов и прочих нечестивцев. Да ещё везде дань платить придётся. Есть у тебя сотня китайских денег в мелкой расфасовке? Нету. Так что – обломись нафиг!

Хакуин совсем раскис. По всему выходило, что не видать ему горы Линшань, как собственных ушей, а значит, и просветление духовное откладывается на неопределённый период.

– А чё делать-то? – спросил он у Змея в полном расстройстве.

– Чеши домой и не парься. У тебя уже есть всё, что надо.

С этими словами Змей придал адепту внушительное ускорение посредством всё того же хвоста, и Хакуин в один миг оказался возле пещеры Учителя. Тот громко храпел, отчего трава у входа угрожающе тряслась. Хакуин решил не беспокоить наставника и отправился к себе в палатку, намереваясь рассказать всё утром.

А Бодхидхарма хитро улыбнулся и спрятал хвост в нижний ящик комода. Тот, что запирается на ключ.

ЛЕНЬ

Хакуин сидел на краю облака и вяло поплёвывал вниз на всех и всякого. Думать не хотелось, шевелиться тоже. На адепта напала всеобъемлющая лень. Вот прям даже пальцем не двинуть. Он бы и не дышал вовсе, но без воздуха могут только рыбки. Хакуин не был ни рыбкой, ни головастиком, хотя иногда подумывал о таком беспроblemном существовании.

По земле размеренно шагал Бодхидхарма, без труда уворачиваясь от плевков нерадивого ученика. На плечах его чинно восседали галки и не смели не то что орать, а даже моргали как можно реже и только по-очереди. Учитель постигал соседнюю Пустоту.

Хакуин почувствовал, что морду как-то кисло перекосило и с угла рта слюни текут уже сами по себе, но ничего поделать с этим был просто не в силах. Вот даже хоть молния б сейчас шандарахнула, и то бы не дёрнулся. Ага.

Наконец Учитель просветлел осоловелым глазом, напихал галкам щелбанов и очень громко прокашлялся, потому что в соседней Пустоте было весьма пыльно.

– Хакуин, твою папу так! Ты что ж, подлец, до сих пор филонишь, а?!

Адепт хотел, было, ответить, но отвисшая губа прилипла к облаку и совершенно не слушалась. Он только промычал что-то неразборчивое. Бодхидхарме показалось – матом. Тогда он, не долго думая, ухватился двумя руками за ствол тысячетней сосны, выдрал её на время из сырой земли и смёл адепта вместе с облаком на три года в Морфлот.

По прошествии оногo срока, Хакуин потом ещё целых три года, без напоминания, исключительно сам, до медного блеска надраивал всю глиняную посуду в пещере и драил земляной пол каждый день так, что можно было ходить в новых тапках, не боясь их испачкать. Во! Бодхидхарма только хитро посмеивался.

МИР

Бодхидхарма и Хакуин уже две недели подряд бились друг с другом. Бились не за жизнь, а за правду.

– Ты зачем, гадёныш, модем спалил?! – грозно кричал Учитель.

– А нафига ж ты мои игрушки постирал, о Учитель? – кричал в ответ Хакуин.

– Ты бестолочь! По тебе Сансара плачет, а ты дурью маешься! – не унимался Бодхидхарма.

– А ты чё в своём инете потерял, а? Порнуху, небось, качаешь по ночам?

– Чё?! Как ты меня назвал?! На-ко, подлец, получи! На! На!

И так целыми днями. Из-за чего конкретно возникла ссора, уже никто и не помнил. Так, зацепились ненароком языками и пошло-поехало. Синяков навешали друг другу – не сосчитаешь, а всё не угомонятся. Пришёл, было, Умный сосед и давай корить Учителя:

– Ты же старше, умнее, соображать должен...

Короче, тоже получил на орехи. И правильно. Не лезь, когда не просят. Дело сугубо личное и столь же перманентное, как, впрочем, и бестолковое.

К вечеру пятнадцатого дня битвы оба порядочно выдохлись и решили малость подкрепиться. Но чтобы не прерывать процесс, кормились правой рукой, а левой продолжали орудовать острыми и тупыми предметами средней тяжести. Так как коммуникативный аппарат был всецело занят пищей, то переругивались бойцы исключительно при помощи глаз и мимических упражнений. Выглядело грозно.

Однако Хакуин, таки, подавился.

Вначале лицо его приняло чуть удивлённое выражение, потом сильно налилось краснотой с синюшным отливом, а голова мелко-мелко затряслась. Учитель решил, было, что это он так удачно тюкнул адепта железкой, но быстро пришёл к выводу, что ошибся в суждениях.

– Ты, никак, подавился? – вежливо спросил Бодхидхарма, прожевав бутерброд.

Хакуин, естественно, не смог ответить по-человечески и как-то сдавленно угукнул.

– Вот всегда так, – вздохнул Учитель, – И что ты за человек такой, Хакуин? А? (вопрос чисто риторический).

– А чё сразу я-то? – ответил ученик при помощи глаз.

– Поворотись, болезный!

Хакуин живо крутанулся на табуретке и подставил спину. Бодхидхарма не стал жадничать и огрел ученика не ладонью, а деревянной скамейкой, которую предусмотрительно выломал возле дома Умного соседа. От приличного хлопка Хакуин чуть не вывернулся наизнанку, вылетев из-за стола, словно пробка из бутылки шампанского.

Потом он снова не мог есть три месяца и похудел ещё больше. Зато сразу помирился с Учителем и даже пообещал купить новый модем, если тот, в свою очередь, живо сгоняет к Сумасшедшему Хакеру, возьмёт диски и установит заново все игрушки. Те, что стёр. На том и порешили.

Мир временно пришёл в равновесие.

ТАРЕЛКА БОРЩА

С раннего утра Хакуин вился возле пещеры Учителя, словно кошка у рыбной лавки. Оттуда просто умопомрачительно пахло борщом. Учитель старался.

– Хакуин, ты чего такой озабоченный? – спросила пролетающая мимо сойка.

– Отвали! – огрызнулся адепт.

– Хм, подумаешь!

Через какое-то время рядом с пещерой протопала рота солдат.

– Хакуин, душара, ты чё такой кислый? – спросил сержант.

– А ему дембельской пайки не дали! – засмеялся ефрейтор, за что тут же получил подзатыльник.

Хакуин скрежетнул зубом, но ответил довольно мирно:

– Вешайтесь, салаги. Вы ещё только к мамкиным титькам принюхивались, когда я из пулемётов врага косил.

К двум часам дня вокруг пещеры стоял такой плотный дух, что можно было прямо из воздуха борщ хлебать. Но Хакуину хотелось большего, а попросить Учителя он всё никак не решался.

Когда его в третий раз спросили о самоличном самочувствии, он не глядя отвесил приличного тумака и взревел так, что товарищи космонавты на орбите вздрогнули во сне. И быть бы ему сегодня разорванным на мелкие клочки по причине раздражающих душу сомнений, если бы Учитель не сжалился над беднягой и не позвал его в пещеру. Адепта дважды уговаривать не было нужды. Он только пулей метнулся к себе в палатку и приволок медный казан вместо тарелки, да захватил черпак литра на два.

Каково же было его изумление, когда в пещере он не нашёл ничего, что хотя бы близко напоминало кастрюлю с борщом. Мало того, там даже Учителя не было! В первое мгновение Хакуин подумал, что Бодхидхарма его обманул – сожрал всё в одно лицо и прикинулся невидимкой. Но когда глаза немного привыкли к темноте, то в глубине пещеры он нашёл-таки источник изумительного запаха. Это была всего-навсего небольшая тарелка с дымящимся борщом, аппетитно политым сверху сметаной.

Хакуин судорожно выдохнул:

– И это всё?!

– А ты чего хотел? – загремел где-то в углу Учитель.

– Но я... Это... Вот у меня, тарелочка... Ковшик...

Бодхидхарма беззлобно засмеялся.

– Ты бы ещё пуд соли приволок! Садись, ешь.

– Спасибо, Учитель. Что-то не хочется, – расстроился вконец Хакуин.

– Ешь, тебе говорю!!!

Адепт не посмел послушаться.

Борщ был просто объедением. В тот день многие отметили странное заушное потрескивание в окрестностях пещеры.

Однако время шло, а борщ в тарелке и не думал уменьшаться. Сначала Хакуину это весьма понравилось. Он смекнул, что на самом деле тарелочка не так проста, как кажется. Но вскоре в животе уже весьма ощутимо тянуло книзу, а аппетит, зараза, никак не удовлетворялся. Даже хуже: с каждой ложкой, борща хотелось всё больше и больше. Хакуин постепенно набирал темп, а ложка замелькала у него в руке со скоростью миксера. В глазах адепта отразился вначале испуг, а потом и дикий, прямо таки животный ужас.

Бодхидхарма уже не мог усидеть на месте и громко хохотал, катаясь по полу и держась за пузо. Однако нужно было выручать адепта. Размазывая слёзы по щекам, Учитель дал товарищу лёгкого пинка под зад, отчего Хакуин вылетел вон и сухо треснулся головой о ствол тысячелетней сосны. Он даже обидеться не успел, потому как временно выпал из бытия.

После этого Хакуин не ел три месяца и даже чуток прозрел. Он пришёл к Учителю в лёгком сомнении.

– Скажи, Учитель, я ведь, кажись, прозрел чуток, а?

Бодхидхарма поглядел на него немного прищурясь, потом поглядел широко раскрыв глаза, но так ничего и не заметил.

– Что похудел – вижу, а так...

– Спасибо, Учитель! – вдруг обрадовался адепт и заскакал прочь на одной ноге.

Бодхидхарма пожал плечами.

– Ну-ну.

МУЗЫКА

Хакуин приволок в пещеру Учителя старую и сильно потёртую басуху фирмы «Урал» с чёрными от грязи ладами и погнутыми в нескольких местах струнами.

– Зазырь, о Учитель, какую лопату я урвал! И всего-то за 50 баксов.

– На что она тебе? – спросил Бодхидхарма, предаваясь методичному уничтожению комаров и мух в помещении.

– Как на что?! Я буду музыку на ней бацать. Рок-н-ролл там всякий, или даже трэш-метал, во!

И запрыгал с гитарой наперевес по всей пещере, потрясая воображаемым хайером. Учитель побесновался немного с ним за компанию, однако не проникся.

– Не, туфта всё это, – сказал он небрежно.

– Да ты чё! Это ж ваще отпад! Вот натыркаюсь малёха и всё. Фли отдыхает!

Бодхидхарма ничего не ответил. Только головой покачал. Так, просто.

Прошло две недели. Хакуин носился с инструментом как полоумный. Сдал его вначале в реставрацию, потратив денег в десять раз больше. Потом наклеял у знакомых музыкантов целую кипу нот и теперь каждый вечер, после обязательной медитации, сидел в своей палатке и брэнчал на гитаре до посинения и свирепых мозолей на пальцах. В глазах его полыхали огни будущей рок-н-рольной славы, а высунутый от усердия язык помогал держать ритм, дёргаясь в такт с метрономом.

Учитель даже близко не подходил к палатке адепта, справедливо полагая, что эта блажь скоро надоест его беспокойному ученику. Однако время шло, а сумасбродство Хакуина только возрастало. За неимением собственной шевелюры, он раздобыл где-то в городе парик дикой синей расцветки и болтался в нём по улицам, распугивая

благочестивых граждан. На физиономии его лежала печать всеобщего презрения и пальцы торчали веером. Крутизна, одним словом. Бодхидхарма понял, что пора вмешаться.

– Скажи-ка мне, любезный, – спросил он как-то ученика, ненавязчиво ухватив за шиворот разляпистой рубахи, – Когда концерт?

– О, Маста, какие дела! Скоро, скоро, чувак!

– Контрамарка будет? – осведомился Учитель.

– А ты один или с тёлкой?

Учитель глянул грозно и отвесил новоявленному рокеру звонкий подзатыльник.

– А, всё понял! Хоп, ништяк! Завтра. Всё будет завтра.

Это было более чем странно, так как группы у Хакуина вроде бы ещё не было. Однако Учитель не стал ломать голову над подобной чепухой, а для намеченного сейшена решил приготовить специальную курительную трубку.

Наутро воздух вокруг пещеры зудел и трещал мелкими разрядами, словно повсюду носились микро-грозы. Из палатки адепта доносились невнятные голоса. Народу там явно было больше, чем один Хакуин. Вскоре оттуда как горох высыпали колоритные товарищи, внешностью и одеждой соответствуя своему лидеру. В их придурковатых физиономиях Бодхидхарма признал парней из соседней деревни.

Так получилось, что из всех зрителей на концерт припёрся только сам Учитель. То ли менеджер бестолковый оказался, то ли народ чего не так понял. Вначале парни совершенно расстроились и хотели с позором разбежаться, но Бодхидхарма уже раскурил свою специальную трубку и велел играть.

Концерт состоял всего из двух песен и кавера на первую из них, продолжительностью в десять часов. Всё это время парни носились по сцене, потрясая париками и жестоко тирания инструменты. Грохот стоял невероятный. На десятки вёрст вокруг разбежались все звери и птицы, всерьёз полагая, что это конец Света. Однако обошлось.

Когда всё утихло и парни без сил повалились на горы пустой пивной тары, Бодхидхарма довольно крякнул:

– Хороший табак!

– А как же музыка? – еле слышно просипел Хакуин.

– Отстой!

На следующий день Хакуин спалил гитару и пошёл в баню.

РЫБАЛКА

Бодхидхарма и Хакуин плыли по реке на широченном листе лотоса и вяло пошвыривали спиннинги вдоль прибрежной травы. Клёва не было совершенно. Изредка над головой пролетал соседский коршун и хрипло посмеивался над горе-рыбаками. Ещё бы! Сам с утра уже успел умять пару крупных лещей и зазевавшуюся утку. Ему теперь хорошо-о-о. Парни беззлобно поругивали пернатого, стараясь громко не материться. А вдруг всё-таки кто-нибудь да клюнет?

– Слышь, Учитель, я чё-та не пойму никак, вот нафига мы тут корячимся с этими долбаными спиннингами? Ты ж на прошлой неделе просто свистнул в кулак, и рыба сама на берег повыскакивала. А сейчас-то чего?

– Чудак человек! А спортивный интерес? Ты ваще чего сюда припёрся, рыбу жрать?

– Ну да. А зачем же она ещё нужна? – не понял адепт.

– А знаешь ли ты, голова садовая, что время, потраченное на рыбалке, не идёт в счёт жизни!

– Как это?

– А вот так – ты рыбачишь, а время мимо тебя летит не задевая.

Хакуин несколько дней размышлял над сей закавыкой, а затем спросил:

– Так это что ж получается: если сидеть вот тут с удочкой безвылазно, так и проживёшь вечность?

Бодхидхарма почмокал губами, словно попробовал окружающий воздух на вкус, покосился на безмолвный кивок спиннинга и сказал с сожалением:

– Эх ты, деревня! Да какая ж это тогда рыбалка? Фигня, а не рыбалка.

Тут из воды показалась морда Умной рыбы. Она поглядела на рыбаков, на их бесполезные удочки и покачала головой эдак презрительно:

– Какого, с позволения сказать, чёрта вы тут оба мне воду мутите? Разве не видели – на берегу объява висит: «Сегодня в речном царстве выборы! Все на выборы!»?

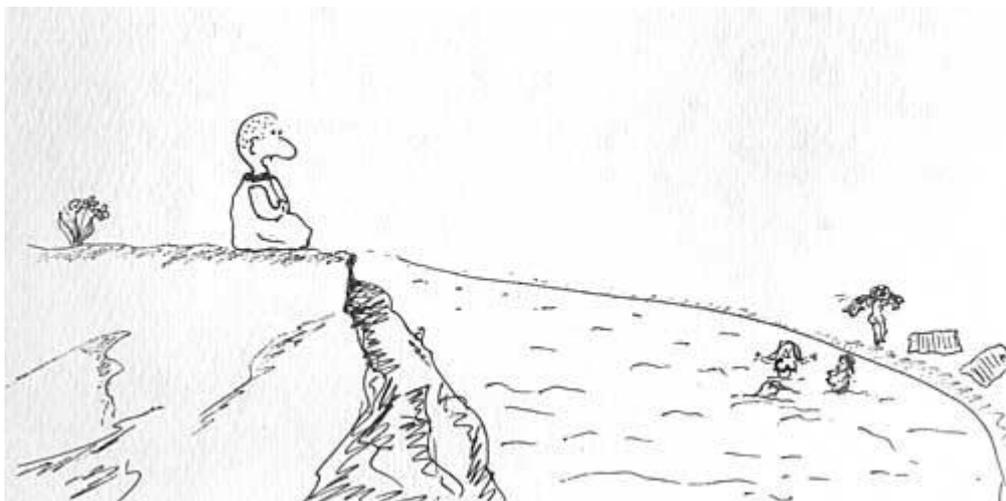
Бодхидхарма со смехом хлопнул себя по лбу, а затем и Хакуина, тоже по лбу.

– Экие ж мы с тобой дураки, приятель! Точно, была какая-то транспаранта у мостков, а мы и внимания не обратили. Всё. Хана рыбалке, рулим до дому!

– Есть, капитан!

– И пить тоже!

ПРО ЛЮБОВЬ

Однажды весной Хакуин в сильнейшей задумчивости посетил Учителя в Одинокой Пещере и, отбив сотню земных поклонов, с опаской спросил:

– О, Маста, просвети меня, пожалуйста, что есть такое во мне сейчас непонятное и волнующее. Такое, будто я незнакомых грибов объелся.

– Пучит? – недвусмысленно поинтересовался Учитель.

– Да не-е. Вот тут, – ткнул себя пальцем в грудь ученик, – Тут чё-та так колыхается и плавает, аж дыхалку иногда перехватывает.

Бодхидхарма воззрился на адепта внимательно, повертел его и так и эдак, пощупал пульс для верности и озабоченно покачал головой.

– Кранты тебе, Хакуин.

Ученик мгновенно похолодел от ужаса.

– Чё, прямо вот так и кранты? Уже в ящик?!

– Хуже. А ну, колись паршивец, – возопил Учитель, – Смотрел вчера на голых баб в реке?

Хакуин забежал глазами, почесал за ухом, шмыгнул неловко пару раз и пробурчал что-то неразборчивое. По всему видать – сплеховал.

– Так как? – гремел Учитель.

– Ну, эта, было дело, – потупился адепт, ковыряя носком сандалии в полу.

– Паркет не порти! В глаза смотреть!!!

От рыка Учителя проснулся соседний вулкан и залил кипятком три деревни. Жители не обиделись.

Бодхидхарма несколько раз прожёт ученика свирепым взглядом, а затем совершенно неожиданно сдулся и даже как-то расстроился немного. Он аккуратно усадил еле дышащего Хакуина на лавочку рядом с собой и вкрадчиво спросил:

– Которая?

Хакуин сначала разревелся от избытка чувств. Ревел так три дня. Когда слегка успокоился, то с трудом вымолвил:

– Худенькая, с сиреневыми глазами и косой до пяточек.

– Знаю её. Хороша, нечего сказать. Ну, и чё ты хочешь от меня?

– Так, эта, – всхлипнул адепт, – а чё теперь делать-то?

– Да ни фи́га ты не сделаешь, потому как это Любовь, будь она неладна.

– Это которая ко всем живущим на земле? – наивно спросил Хакуин.

– Дурачок ты ещё, приятель, – грустно улыбнулся Учитель. – Любовь – это которая Любовь. Давай, беги к ней.

И дал ему волшебного пинка.

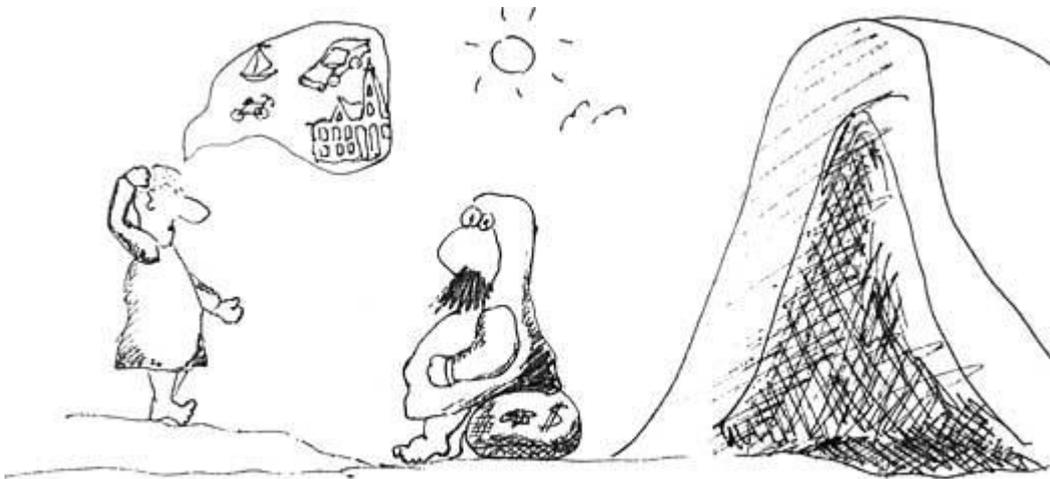
Хакуин быстро разобрался что к чему, женился, народил кучу детей, через сорок лет вернулся и невозмутимо уселся рядом с Учителем. Тот всё это время предавался курительному созерцанию и почти врос в землю.

– Ну как? – спросил Учитель.

– Нормально.

– Ну и ништяк! Сгоняй-ка, брат, за киркой и лопатой.

ЖЕЛАНИЯ

Хакуин проспал на урок и потому шипел и морщился, потирая шишку на лбу от правильной линейки Учителя. Бодхидхарма сурово хмурил бровь, однако в глазах его светилась хитрая заморочка, которую он без лишних слов вывалил на своего нерадивого ученика.

– А скажи-ка мне, братец, что бы ты сделал, будь у тебя миллион бакинских?

Хакуин от неожиданности поперхнулся слегка и машинально ухватился за тощую грудь, дабы утихомирить судорожно колотившийся мотор.

– Дык эта... Я бы... Э-э-э... Я бы вот! Вот, значит, так: э-э-э... мильён, мильён, мильён, – забарабил адепт пальцами по подбородку, – А это много?

– Ну, внушает.

– А в наших скока?

– Мешков пятьдесят. Плюс-минус пяток.

– Да-а-а... До фи́га! Так. Что б такого пожелать-то? – растерялся адепт.

В голову лезли бестолковые идеи про яхту, тачку и вилы, но всё это как-то слишком просто и банально. Хотелось чего-то необычного и чтобы много. Очень много! Так, чтобы на всю оставшуюся жизнь хватило, а жить Хакуин намеревался долго. Только чтоб всё одному! Никаких грёбанных родственников или потомков. Обойдутся! Он с таким нечеловеческим трудом добыл этот треклятый миллион, что делить его с кем-то не станет даже за два таких же. Во!

Долго, очень долго ворочал Хакуин отяжелевшими извилинами, но чем больше думал, тем бестолковее становились желания. В конце концов, он окончательно впал в ступор и глупо посмеивался, глядя в одну точку. Пришлось Учителю ещё дважды применить свою правильную линейку, отчего на голове адепта прибавилось «рогов».

Хакуин просветлел взглядом и с тоской взгляделся в лицо Учителя, слабо надеясь найти там ответы на терзавшие ум вопросы. Но физиономия Бодхидхармы не излучала ничего кроме усмешки и дежурной отрешённости. Ученик трижды стукнулся лбом оземь и дрожащим голосом произнёс:

– Так эта... А чё?

– Что б я сдох! – воскликнул Учитель.

Хакуин заулыбался и быстро-быстро закивал головой.

– Не дождёшься! – загремел Учитель и вытолкнул его в шею из пещеры.

Вечером Бодхидхарма много курил и машинально пинал мешок с баксами. Куда их девать он так и не решил.

ПРИЧИНА

Хакуин вот уже три месяца кряду вручную зашкуривал можжевеловые шарики для чётки и почти стёр пальцы до дыр. Хотелось сделать побольше и разом всё продать на рынке. Очень, понимаешь, приглянулся ему новенький мопед, а денег не хватало. Бодхидхарма глядел на сие безобразие сквозь пальцы, не желая в сотый раз делать нерадивому адепту волшебное внушение. Видимо у Хакуина было слишком много ветра в голове.

Но однажды вечером внезапно налетел приличных размеров ураган и безжалостно уволок все заготовки, что успел наделать ученик. При этом он совершенно нахально рассмеялся и пребольно хлестанул Хакуина по физиономии чьими-то уворованными, мокрыми панталонами. Даже не столько больно, сколько обидно.

Хакуин быстро накопил слезу и уже готов был разразиться безутешными рыданиями, но не успел и подумать об этом, как получил ещё по лицу. Уже от Учителя и тапком. Слёзы миглом застряли где-то на подходе, однако рожу перекосило основательно. Он только мотнул головой, как бы вежливо спрашивая:

– За что, Маста?

Бодхидхарма насупил бровь, погрозил для виду убежавшему урагану и вполне миролюбиво ответил:

– За что – что? Что по роже треснул или за шарики обидно?

Хакуин растерялся.

– Дык эта... И то и то вроде.

– Что по роже – так это не со зла, а шарики – тут веская причина имелась.

Хакуин слушал, затаив дыхание. Потому как слово Учителя – Сила!

– Вот я и говорю, – продолжил Бодхидхарма. – Причина, есть объективная реальность, которую я уже задолбался обзывать знаешь как (тут ученик кивнул на всякий случай), и проявила она себя таким макаром совершенно логично.

– Какая ж тут логика? – ошарашенно спросил Хакуин.

– Смотри ширше, дыши глубже!

И увидел Хакуин внутренним оком, как отняли у него новый мопед уличные хулиганы, да ещё набили морду вдобавок, а потом обидно обзывали лысым дохляком. Это было даже более чем обидно.

В последующие три года он выучил наизусть «Движения рук восемнадцати архатов» и заранее уделал всех уличных хулиганов в округе. Так, про запас. Потому как не было у них мудрого Учителя.

ПЕЧЕНЬЕ

Татхагата повернулся на бок, широко зевнул и вдруг помыслил о чём-то давнем. На столе у Бодхидхармы неожиданно проявилось блюдо с печеньем. Пахло – просто удавиться! Учитель опасно покосился на предмет, но понял, что это очередной соблазн и решительно впал в безразличную медитацию.

Мимо пещеры ехал на велике Хакуин. С раннего утра он поклялся ничего не есть в течение сорока дней и пребывал в том возвышенном настроении, когда человек решает на грандиозный поступок и обязательно приурочивает его к ближайшему понедельнику.

У входа в пещеру сидели на лавке трое пенсионеров и жестоко рубились в домино. Хакуин поприветствовал старичков, как и положено, зычно крикнул «Рыба!», чем немало удивил последних и, без лишних слов, ввалился в помещение. Даже ноги не вытер.

– Хай энеджи! Учитель, ты эта...

Тут челюсть адепта внезапно онемела, а язык прикипел к небу – в пещере витал такой дивный дух, что брюхо свело страшной судорогой и сразу же захотелось есть. Да так, будто голодал уже минимум с неделю.

Хакуин растерянно оглянулся – Учителя нигде не было видно, а на столе стояло то самое блюдо от Так Приходящего и слегка светилось. Не оставалось никаких сомнений, что это оттуда так здорово пахло. Слюна потекла сама собой, ручьями обрушиваясь на дрожащие колени и собираясь в лужи на полу.

Дальше Хакуин мало чего помнил внятно. Только очнулся он, сидя на берегу реки с пустой тарелкой и с мордой в печенюшных крошках. В животе сурово урчало, и к горлу подкатывала неприятная, тошнотворная волна. Мало того, вскоре появилась ужасная икота. Ещё бы! Сожрать столько печенья и всё в сухоматку. Однако из реки Хакуин пить опасался. Мало ли.

Бодхидхарма тем временем тайно следил за учеником посредством мудрой дальновзоркости и с сожалением покачивал головой. Когда же прошло три месяца, а икота и не думала проходить, то Учитель скинул Хакуина с самой высокой горы, дабы тот испугался. Но к его удивлению ученик сразу же исчез из этого мира и нарисовался снова уже в пещере ровно через год. Бодхидхарма даже бровью не дрогнул. Спросил только:

– Где был?

– Пиво пил.

– А по шее?

– Не надо по шее. И так вся в волдырях.

– А чё так-то? – поинтересовался Учитель со смехом.

– Да вот, – к ногам Учителя упала ишачья сбруя, – Запряг тут один. За каждую печенюшку десять гектаров пропахал на пузе.

С тех пор Хакуин не любит выпечку в любом виде.

А Татхагата вдруг повернулся во сне и внезапно помыслил о чём-то давнем.

ХАЛЯВА

Когда на огороде всё уже было посажено, полито и где надо прополото, Хакуин без сил откинулся в плетёном кресле, жестоко отмахиваясь от комаров и мелкой мошки. Руки и ноги заметно гудели, а в спине что-то дёргалось и тянуло, напоминая грядущий радикулит.

– Чтоб я сдох! – выдохнул адепт устало.

– Не надейся, – усмехнулся Учитель.

– Не, ну правда! Наставник, чё я, как папа Карло, тут вламываю на грядках, когда ты запросто мог бы сотворить пищу прямо из воздуха?

Бодхидхарма огляделся по сторонам, чтобы никто не подслушал, и тихо произнёс:

– Халява, брат, это только на первый взгляд – халява. Из воздуха! Ишь ты какой прыткий. Из воздуха можно только воздух нацарапать.

– Не понял я чё-та. А как же те вещички, что ты на прошлой неделе надыбал, а?

– Тихо ты! Чё разорался?

Хакуин даже пригнулся слегка. Так, на всякий случай.

Бодхидхарма повращал свирепо глазами минут десять, потом легко утихомирился, но продолжил уже почти шёпотом:

– Чтоб ты знал, о мой бестолковый ученик, классической халявы в природе не существует. На это есть объективный Закон: если где-то что-то появилось, то оно откуда-то обязательно убыло.

– Это как у старика Эйнштейна? – догадался Хакуин.

– Это как у прапора Прихватько. Цыц мне!

Ученик склонился ещё ниже. В руке Бодхидхармы появилась плётка-семихвостка.

– Так вот, – продолжал Учитель, – Сие есть непреложный Закон, и тебе, о мой дважды бестолковый ученик, не следует так поверхностно относиться к моим упражнениям с Пустотой, будь она неладна. Как тебе понравится, если другой какой Учитель трижды бестолкового адепта возьмёт, да и выудит из нашего мира чё-нить важное или нужное? Вот, к примеру, твой велик?

– А чё сразу мой велик-то? – обиделся Хакуин.

– Вот я и говорю: тебе эта вещь важна в какой-то мере, а кто-то её без спросу утащит. Тебе это понравится?

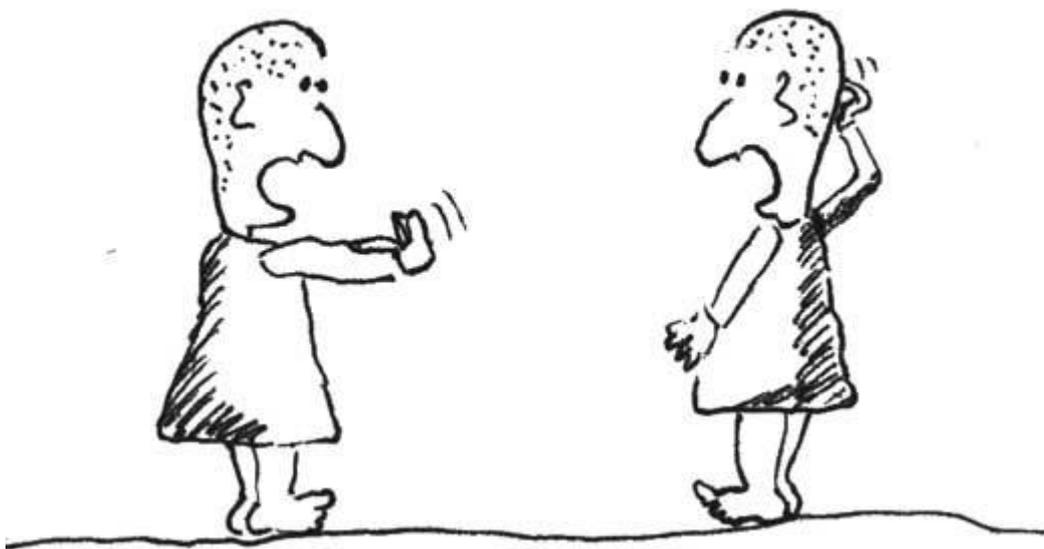
Хакуин крепко задумался. Даже уши заломило от усердия. Долго думал. Почти два часа и три недели сверху. Чуть лоб не треснул. Когда сильно устал, то сделал сотню разогревающих упражнений «Перемены в сухожилиях» и выпил ведро кипятка. Стало немного яснее в голове.

Он вернулся в пещеру Учителя и спросил:

– Так это что ж получается, о Учитель, те три сотки баксов, что ты выудил с месяц назад типа «из воздуха», у кого-то там исчезли?

Бодхидхарма только отвесил ученику крепкий подзатыльник, чтобы не спрашивал всякую ерунду, и незамедлительно погрузился в созерцание соседней деревушки. Для нового холодильника не хватало ещё сотки «зелени».

ДВОЙНИК

Однажды зимой навалило столько снега, что только верхушки печных труб торчали из-под него сиротливо, словно пеньки. Бодхидхарма по такому случаю выпал в курительную медитацию, хотя курить пришлось мысленно, так как под снегом трубка совершенно не хотела разгораться. А Хакуин вооружился лопатой и стал подобно кроту копать норы и ходы в различных направлениях, дабы от безделия не усохнуть раньше времени.

Через пару недель рытья Хакуин стал замечать в хитросплетении подснежных коридоров какого-то лысого чувака с лопатой наперевес. Видел он его только со спины и всегда мельком. Несколько раз пытался даже окликнуть, но тот словно нарочно ускользал, не желая разговаривать. А ещё было в нём что-то очень уж знакомое.

Хакуин перестал рыть новые катакомбы, желая всенепременно разузнать, кто это тут по его территории шастает. Для этого он удобно устроился на пересечении нескольких коридоров, соорудив из снега нечто похожее на табурет.

Долго ждать не пришлось. Буквально через пару месяцев мельканий и невнятных образов странный тип, наконец, вырулил в центральный коридор и напрямик направился к Хакуину. В нескольких шагах остановился, отвалив от удивления челюсть, а затем произнёс:

– Ё...ть! Пора завязывать с медитациями.

И было чему удивляться, так как незнакомец оказался настолько знакомым, что дальше некуда. Это был ни кто иной, как сам Хакуин!

Да-а-а... Помолчали немного. Потом тот Хакуин, что сидел на снежном табурете, судорожно сглотнул и хрипло спросил:

– Ты, эта... Ты тут чего эта?

– Да ты сам тут чего?! – всполошился Хакуин №2.

Явно назревал конфликт. Тот Хакуин, что сидел на табуретке, изготовился незаметно смыться, стараясь не наложить в штаны со страху, а второй дико вращал глазами, пытаясь напугать самого себя ещё больше, хотя тоже едва справлялся с внутренними пожеланиями организма.

Тут вдруг посреди снежного коридора что-то хлопнуло, и весь снег неожиданно исчез, словно и не было. Хакуин очнулся в своей палатке, протёр сонный глаз и посмотрел в окно – на дворе было лето. Тогда он поспешил к Учителю. Тот смолил трубку и строчил на компе очередной реферат по когнитивной психологии.

– О, Учитель, – вежливо вскричал адепт, – Я чё-та ни фиги не понял.

– Что именно? – осведомился Бодхидхарма, борясь с западающей клавишей Shift.

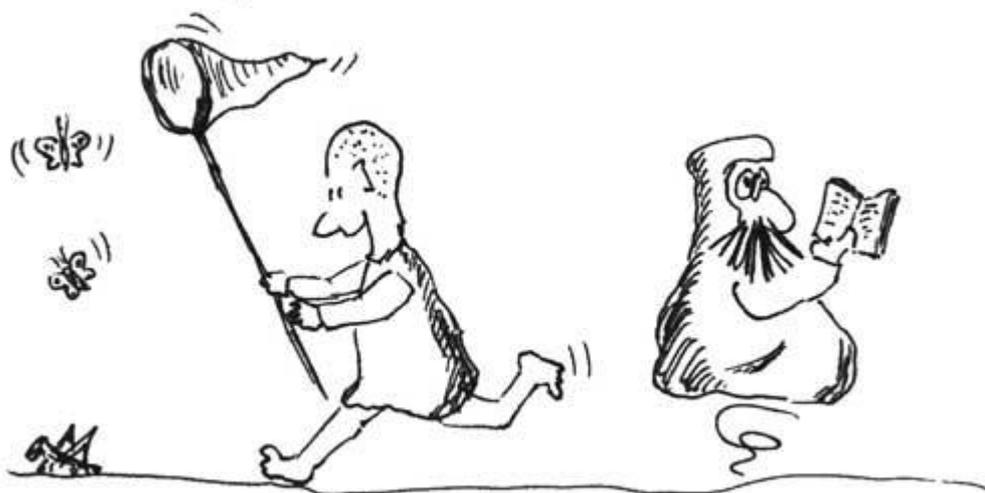
– Где второй «я»?

Учитель на мгновение отвлёкся и тут же получил злобное сообщение об ошибке и предложении сообщить о ней куда следует. В сердцах он обрушил железный кулак на клавишу, отчего кнопки брызнули по сторонам словно мыши от кошки. Хакуин принял оборонительную стойку.

– Знаешь, – молвил Бодхидхарма совершенно спокойно, – мне иногда тоже кажется, что таких, как я, до фиги и больше. Однако это не повод для растраты жизненных сил и драгоценного времени. Вот, видишь эту железку? Теперь она бесполезна, потому как я дурак сорвался и зашиб ни в чём не повинный девайс. Сгоняй-ка, брат, в магазин за новой клавишей. А ежели встретишь самого себя опять, дай ему в рожу не раздумывая. Сразу легче станет.

Хакуин притихший отошёл. Легко сказать — врежь по морде. А если тот ему навешает?

ЗАГАДКА

Как-то раз Бодхидхарма и Хакуин отправились на прогулку в парк. Учитель прихватил томик Мопассана, а Хакуин сачок для бабочек. Интеллигенты, одним словом. Адепт даже сандалии новые напялил.

Идут они по дубовой аллее, кругом тишь да благодать, цикады стрекочут только. Хакуин поймал, было, несколько штук, но занятие это быстро наскучило. Тогда он припрятал сачок в опавшей листве, а пойманных пернатых выпустил на волю.

Учитель на это заметил:

– По-твоему этим тварям на свободе будет лучше, чем в супе?

– Конечно, о Учитель! – воскликнул адепт, – ведь они будут жить.

– А не приходило ли в твою пустую голову, что Колесо Сансары существует не только для человек, но и для всех животных на Земле, в том числе и для цикад, которых ты так неразумно отпустил?

– Дык эта... Чё, мне их снова поймать? – не понял адепт.

– Можешь и поймать. Но тогда я спрошу тебя: а не кажется ли тебе, о мой бестолковый ученик, что на свободе цикадам лучше, чем в супе?

Хакуин в растерянности разревелся и убежал. Носила его нелёгкая почти три месяца. Весь он пострашнел, почернел и вообще стал на божья смахивать. Сандалии новые растерзал в хлам, халат во многих местах порвался и отсвечивал голым телом адепта. Расстроился человек не по-детски. К исходу третьего месяца вернулся в пещеру к Учителю и молча уселся в углу, наморщив лоб.

– Ну, что? – спросил Бодхидхарма, – решил задачу?

– Нет.

– Чем же ты всё это время занимался? – удивился Учитель.

– Я думал.

– Ду-у-умал? Вот чудак человек! Да кто ж тебя думать-то заставлял? Эх, ну и тормоз же ты, Хакуин. На-ко, супчику отведай.

Адепт жадно набросился на еду, потому как все три месяца ничего не ел. Столитровый чан опустел за пару минут. Бодхидхарма рассмеялся и спросил:

– Ну, как супчик?

– Супер! – воскликнул Хакуин, счастливо улыбаясь и утирая физиономию рукавом.

– Вот я и говорю: что тут думать-то!

СПЕШКА

Как-то в гости к Хакуину пожаловал его давний дружбачок брат Пу. Разговорились за самоваром с бубликами. По десять кружек чаю навернули. Тут брат Пу и говорит:

– А знаешь, я вот прошлым летом в большом городе был, ага, прикупил по случаю балалайку, ага, замечательная штукавина!

– Иди ты!

– В натуре кипяток.

– А эта... Ты ж играть, поди, на ней не умеешь?

– Да чё там уметь-то. Тут нажал, тут брякнул. Элементарно.

– Ха! Нажал, дёрнул. Это тебе, брат, не палкой в барабан лупить. Тут музыкальный слух требуется, а у тебя его с детства не было.

– Это у кого это не было?! Ты вот сейчас огребёшь, в натуре, по-полной.

Ну, подрались чуток, ясный пень. Хакуин, по причине неусыпного наставничества со стороны мудрого Бодхидхармы, конечно же, навалил братцу Пу конкретных люлей, отчего тот с позором удалился. А Хакуин вдруг заделался грустным и сильно задумчивым. Приспичило ему, понимаешь, тоже на балалайке поиграть. Да где её тут возьмёшь. Эх, надо было вначале у брата Пу её выпросить «на время», а уж потом по шее настучать. Не сообразил.

Эдак вот он ходил в раздумьях из угла в угол уже с месяц, пока Бодхидхарма не прислал ему повестку явиться в пещеру с вещами, кружкой, ложкой и туалетными принадлежностями. Адепт не посмел ослушаться и прибыл точно в срок.

– Вот скажи мне, о мой бестолковый ученик, ты где это пропадаешь целый месяц? Я чё, сам должен тут палубу драить и картоху чистить?

– Дык эта... Я ж не со зла, о Учитель. Я на балалаечке хочу поиграть тока.

– Вот чудак человек! А на кой тебе она сдалась, у тебя ж гитара есть?

– Ну-у-у, гитара. Гитара – она вещь совершенно иная.

Бодхидхарма покачал головой, поцокал для виду языком и вдруг явил из Пустоты девайс. Радости ученика не было предела. Хакуин аж весь засиял от счастья и пустился в пляс, наяривая на чудном инструменте что-то рок-н-рольное.

Так и бесился потом пару дней. И вдруг опять скис. Аж морду перекосило от тоски какой-то внутренней. Бодхидхарма с улыбкой спросил:

– Ну, что опять не так?

– Да понимаешь, Учитель, чё-та вот не прёт больше. Почему так, а?

– Всё просто. Ты подцепил чужое желание, и тебе показалось, что оно твоё собственное. Так же было и с твоим увлечением рыбалкой, ходьбой на лыжах, рисованием, пением, химией с ботаникой и прочими делами. Прежде чем чего-либо возжелать, остановись на минуту-другую и подумай – так ли оно тебе нужно. Спешка, брат, сам знаешь, где хороша. А что касается желаний, то тут как раз спешка ни к чему. Понял?

– Понял, Учитель. Дык эта... я пойду?

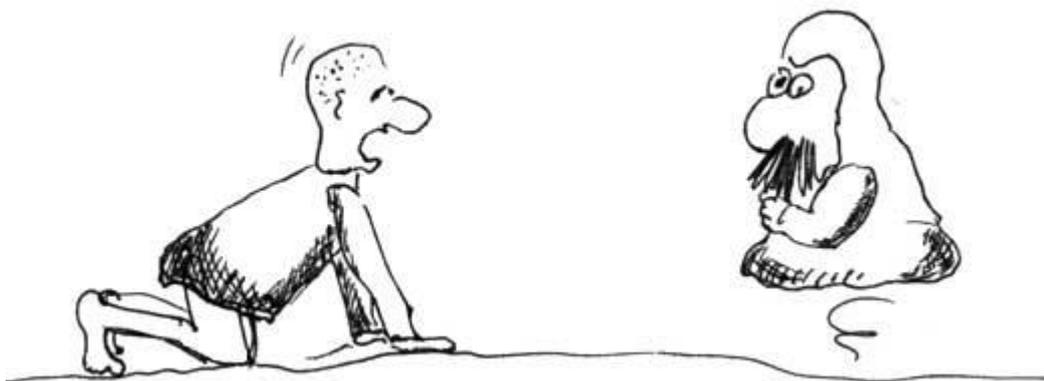
– Проваливай.

Через неделю Хакуин влетел в пещеру Бодхидхармы с радостным известием:

– Учитель, ты не поверишь, но я записался в кружок авиамоделлистов! В ответ Бодхидхарма запустил в него кочергой и грязно выругался.

Хакуин так и не понял, за что.

ОБИДА

Хакуин прибежал к Учителю весь в слезах и несколько часов бился в истерике, стучаясь головой о твёрдые предметы. Бодхидхарма взирал на это безобразие добродушно и невозмутимо. Ну, хочется так человеку, отчего ж не побеситься. Однако адепт завывал всё более настырно, желая, чтобы его всенепременно пожалели. Наконец, Учитель без лишних слов прошёлся кочергой по хребту Хакуина и велел рассказывать всё подробно и с расстановкой.

Хакуин сразу перестал реветь, уселся по-турецки и говорит:

– Понимаешь, о Светлейший, дело в том, что все люди на Земле злые. Каждый хочет другого оскорбить, надуть, наколоть, а потом ещё ехидно посмеяться за спиной.

– Почему ты так решил? – спросил Бодхидхарма.

– Дык чё... Вот я, например, поехал сегодня в лавку на трамвае. Ну, билет покупать не стал. Дак на пол пути завалились внутрь какие-то бычары и давай с меня билет требовать. Я начал возмущаться, типа: откуда у бедного монаха лишние деньги на билет?! А они и слушать не стали. Схватили за шкварник и высадили из транспортного средства с размаху. Я бы им, конечно, навалял бы по шеем, да чё-та не успел: трамвай укатился быстро. Потом хозяин лавки был груб со мной и всё пытался обвесить. Я ему на это указал, а он почему-то обозвал меня лысым халявщиком и тоже выгнал из лавки. А почти у самой моей палатки сегодня тёрлись какие-то подростки недоделанные. Орали пьяные песни и выражались непристойно. Я, было, сделал им замечание, а они драться полезли. Вот я и не пойму ни фиги, отчего народ такой вредный стал и почему все меня так не любят?

Бодхидхарма вздрогнул слегка и выпал из соседней Пустоты, осоловело вращая глазами.

– Так о чём ты там говорил-то?

– Вот! Вот и ты, о Учителе, чтоб тебя, тоже меня не слушаешь! – воскликнул Хакуин и убежал из пещеры со слезами на глазах.

Бодхидхарма пожал плечами, засмолил трубку и углубился в курительную медитацию.

Прошло довольно много времени. На Земле сменилось несколько эпох, пару раз ледник приходил-уходил, войны, мир, опять войны, да много чего. Учитель уже почти забыл про Хакуина. Но однажды тот вернулся в пещеру с решительным выражением на небритой сотни лет физиономии и прямо с порога заявил:

– Я...

– Вот то-то и оно, что Ты! – перебил его Учитель, перестав курить.

Хакуин чуть было не прозрел.

ДУМЫ

Однажды Хакуин разглядывал цветок лотоса и размышлял о чём-то абстрактном. Сзади неслышно подошёл Учитель, намереваясь отвесить нерадивому адепту пару подзатыльников, но что-то передумал. Спросил только вкрадчиво:

– Какого чёрта ты здесь дурака валяешь, а?! По шее захотел?

Хакуин даже не вздрогнул, хотя и приготовился бежать, да ножик складной выволок из кармана незаметно.

Бодхидхарма грязно выругался для порядку. Потом сам приземлился на соседний валун и выпучил окуляры на создание природное. Лотос мгновенно погрузился в тёмную воду озера, решив не испытывать судьбу. И правильно сделал.

На несколько минут повисла пронзительная тишина. Лишь было слышно, как два комара в сторонке делят предстоящую пайку в виде крупного лоса, который тоже замер в какой-то своей, лосиной медитации. Мир погрузился в созерцание.

Прошло лет двести или триста.

Наконец Бодхидхарма очнулся, дал таки подзатыльник уснувшему Хакуину, а затем более миролюбиво спросил:

- Ну, разрешил свою мировую проблему?
- Какую проблему? – не понял адепт.
- О которой размышлял до того, как я подошёл.
- Дык я это... Я и не размышлял вовсе.
- А чё ж тогда на лотос пялился? – удивился Учитель.
- Дык съесть хотел! Говорят, они дюже вкусные и питательные.

Бодхидхарма ничего не ответил, только выдал Хакуину волшебных пинков с десяток и погнал на камбуз чистить картошку.

ВАЖНОСТЬ

Как-то раз Бодхидхарма обнаружил своего ученика лежащим в позе зародыша в дальнем углу тёмного сарая и беспрестанно хнычущим. Пришлось вкатить ему два кубика трифазина, да волшебных подзатыльников с десятков. Очухался маненько. Сел по-турецки и молчит с угрюмым видом.

– Ты что ли нездоров? – поинтересовался Учитель.

– Дык, блин, будешь тут здоровым. Я бы застрелился ваще, ежели было б из чего.

Бодхидхарма пожал плечами:

– Зачем такие сложности? Камушек на шею и в колодец.

– Издеваешься? – ещё больше насупился адепт.

– Ладно, колись давай, что на этот раз не так.

– Да, блин... Всё не так. Не тама я родился и не у тех родителей.

И рассказал Хакуин про то, как он давеча в большой город мотался за каким-то лешим. А там его и в лавке обсчитали, и менты пристебались, да всё документы требовали показать, и гопники какие-то недоделанные обзывались по-всякому. Домой ехал злой, как собака, и всю дорогу мысленно откручивал бошки своим «врагам», да прочие непотребности с ними вытворял. До того себя накрутил, что уже сидя в своей палатке, не выдержал, заорал неистово, да как ломанётся в лес и давай всё подряд крушить. Как потом в сарае оказался – не помнит.

Бодхидхарма слушал в пол-уха, смолил трубочку, да посмеивался.

– Ты, – говорит, – весьма глуп, о мой ученик. Все эти люди, о которых ты рассказал, давным-давно о тебе позабыли, а ты всё ещё с ними воюешь. Неужели тебе больше не на что потратить своё бесценное время в этом мире?

– Дык обидно же, ваще! Чё я им плохого сделал-то?

– Вот если бы сделал, то был бы смысл себя тиранить, потому как нельзя обижать человекoв. Они и так все обиженные с детства. Ну, во всяком случае, многие из них.

– Ага, чё мне теперь их за это всех любить безраздельно? – съехидничал адепт.

– Ну, по уставу монашескому вообще-то так и положено. Но ты ж не просто монах. Ты мой ученик, а потому должен глядеть дальше, а мыслить ширше.

С этими словами Бодхидхарма схватил Хакуина за шкварник и вмиг перенёс за пятьсот миллионов световых лет от Земли в безбрежный Космос. Остановились возле какой-то чёрной дыры, откуда воняло изрядно. Пришлось носы прищепками зажимать.

– Вот смотри, – обвёл широким жестом пространство Учитель, – Как тебе это всё?

– Кру-у-уто! – выдохнул Хакуин, – Впечатляет.

– А теперь посмотри на себя и подумай: где ты, а где вся эта круть?

Ученик вынужден был согласиться, что по сравнению с мировым пространством его тощая задница гораздо меньше, чем просто Ничто. Когда Учитель вернул его на Землю, взгляд Хакуина слегка просветлел.

– Кажись я понял, о Учитель! Мои мысли о мести настолько ничтожны, что зависать на них не имеет смысла.

– Гуд!

– Однако ты как хочешь, но торговцу из лавки я всё-таки фейс начищу. Не нравится он мне чё-та...

ВЕСНА

В первый весенний день Хакуин вылетел из своей палатки, сияя, словно новенький медный пятак, и со всех ног ломанулся в пещеру Учителя.

– Маста! О, Маста! Слышь ты? ВЕСНА-А-А-А!!! А-а-а-а, ёлы-палы, чтоб я сдох!

Бодхидхарма жарил блины и даже бровью не дрогнул в ответ на счастливые вопли адепта.

– Не, ну я не понял, Учитель, ты чё не рад?

– Я рад, – спокойно ответил Бодхидхарма и ловко перевернул золотистый блин, подбросив его в воздухе.

– Правда ведь зашибись?

– Конечно зашибись, – так же спокойно ответил Учитель, – Блинов хочешь?

– Да какие, нафиг, блины! Ты чё?!

С этими словами адепт выскочил из пещеры и с дикими воплями умчался в горы. Носило его там недели две подряд. Чуть крышка не уехала насовсем. Ну, представьте: голый, небритый, с очумевшим взором, прыгает со скалы на скалу и орёт нехорошо. Явный психопат.

Затих только когда неловко оступился, да тыковкой об камушек тюкнулся. Валялся в грязной луже, аки свин, пока его таким не обнаружил Учитель.

Бодхидхарма не стал церемониться: ухватил адепта за шкварник, затолкал в рюкзак и пинками к дому покатыл. За день добрались. Ага.

Сидит Хакуин в пещере, зубами клацает и на блины смотрит жадно. А они, понимаешь, свеженькие, румяньенькие, с пылу с жару, так сами в рот и просятся. Чуть слюной не удавился болезный.

Бодхидхарма усмехнулся и спрашивает:

– Ну, чё псих, остыл чуток?

Хакуин только кивнул поспешно, потому как сказать ничего не мог по причине невменяемости.

– Кушать, небось, хочешь? – опять же спросил Учитель ласково.

Хакуин дважды кивнул.

– ТОГДА САДИСЬ И ЖРИ!!! – заорал Бодхидхарма, бешено вращая глазами.

Миг – и нет блинов. Только Хакуин сидит, пузыри пускает, а на роже счастье – ну просто неприличное.

– Ништяк? – спросил Учитель.

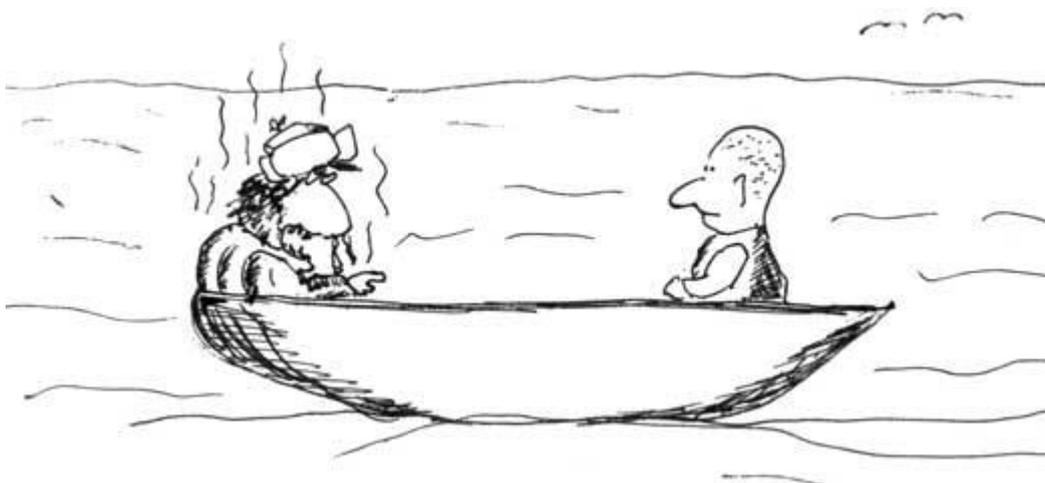
– Ага.

– То-то же. А теперь можно и погулять.

И ка-а-ак ломанутся в поля, леса и горы. Только их и видели. Почти два месяца отрывались. Говорят, местные жители на время покинули деревню от греха подальше. Один псих – ещё куда ни шло, но сразу два – это, братцы, перебор.

Весна, понимаешь. ;)

СОН

Однажды Хакуин чуток перезанимался «движениями 18-ти архатов» и так ухайдакался, что едва дополз до палатки, где и вырубился благополучно недельки эдак на две. И приснился ему удивительнейший сон.

Плывёт будто бы Хакуин по огромному океану на маленькой лодочке с парусом. Ветра практически нет, и лодку неизвестно что толкает вперёд. В глубине океана проносятся смутные тени невиданных животных и вспыхивают порой мириады огней. Вид, прямо скажем, завораживающий. Адепт сидит на скамеечке, закусив губу, и смотрит на заходящее солнце с тоской и страхом. Скроется оно совсем, и наступит крошечная темень. Что тогда будут делать эти неясные тени под водой? Не захотят ли они попробовать того, кто плывёт в лодке?

Внезапно кто-то тихо кашлянул за спиной. У Хакуина чуть сердце не выскочило от испуга. Резко повернулся, смотрит – на баночке мужичок пристроился в ватнике. Неказистый такой: морда валенком, глазки пороссячи, из-под шапки драной не волосья, а будто пакля торчит, и на нос не мешало бы «хаггис» какой-нить пришпандорить – сопли до колен. Сидит, шмыгает соплями-то, и воняе-е-ет – на весь океан, поди.

Хакуин отдышался немного, отошёл от испуга изначального и спрашивает незнакомца вежливо:

– Ты чё, урод, совсем очумел?! Я из-за тебя жизни чуть не лишился! Люлей захотел, да?!

Мужичёнка длинно сплюнул сквозь редкие гнилые зубы прямо в лазурные воды океана, отчего неясные тени в глубине с воплями и матюками разбежались куда подальше. Затем утёрся рукавом, размазав соплю по всей роже, и осклабился:

– Ты чё, паря, наезжаешь? Люлей я и сам тебе навешать могу. Ты лучше спроси, зачем я тут.

– Дык я и спрашиваю, блин! Чё пристал то?

– А вот нафига ж ты мою лодочку без спроса взял? Я, понимаешь, скучаю об ней теперь очень.

Хакуин хотел, было, послать дядьку, да с ноги в лобешник закатать увесисто, но чего-то призадумался. А ведь не помнит он совсем, как в этой лодке оказался-то! Покупать – не покупал, и украсть – тоже не крал. Появился и всё тут. Поди, угадай, чей это девайс.

– Слышь, мужик, ты зазя-то не наезжай. Я сам не помню, как тут оказался, а только воровать с детства не привык. Усёк?

А мужик молчит. Надулся как сыч, только глазёнками зыркает нехорошо так. И вдруг расти начал. Миг – и вот он уже по-коленки в океане стоит, а голова где-то за облаками едва виднеется. Ручищи – что ковши громадных экскаваторов и к адепту подбираются всё ближе. Заорал Хакуин благим матом, да и проснулся в холодном поту.

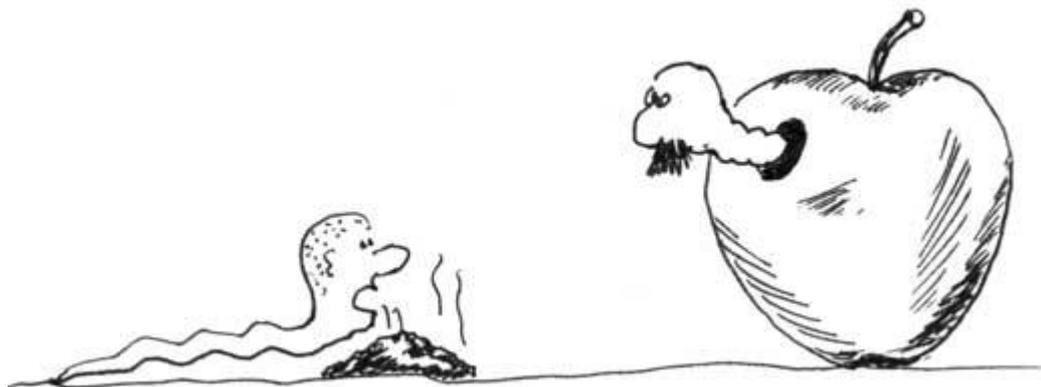
Прибежал спозаранку в пещеру к Учителю за наставлениями.

– О, Маста, мне сегодня такой страшный сон привиделся! К чему бы это, а?

Бодхидхарма усмехнулся и говорит:

– Кеды верни.

ЧЕРВЬ

Бодхидхарма снарядил Хакуина волшебным подзатыльником, отчего в глазах адепта мгновенно потемнело, и красивые звёздочки рассыпались веером. Когда он снова смог хоть немного соображать, то с удивлением обнаружил, что валяется на пузе и жрёт землю, которая подозрительно отдавала навозом. Мало того, оказалось, что ему это безмерно нравится, и при этом он чавкал совсем уж по-свински.

Жевать, лёжа на пузе, было не совсем удобно. Хакуин попытался встать, но тут обнаружил, что не чувствует ни рук, ни ног. Только голова и что-то сзади невнятное такое. Попытался повернуться и тоже не смог. Лишь то, что находилось сзади, как-то волнообразно зашевелилось. Хакуин не на шутку испугался.

– Чё за ботва, а? Маста, ты где?

– Да здесь я, – отозвался Бодхидхарма, высунувшись из яблока.

Хакуина прошиб холодный пот. Яблоко было огромным, словно гора. Но хуже всего было то, что Учитель, торчащий из круглой дыры, был вовсе не человеком. Бубен-то у него был человеческий, а вот туловище очень сильно смахивало на червяка.

– Чего уставился? – спросил Бодхидхарма, рыгнув оглушительно.

– А... э-э-э... чё это, а? Опять прикалываешься?!

– Ты же сам вчера жалился, что в Поднебесной тебе наскучило, хочется быть ближе к земле и всё такое. Твоё желание выполнено! Ты рад?

И тут до Хакуина дошло, что добрый Учитель превратил их обоих в червей. Только сам заделался пожирателем фруктов всяческих, а его сотворил обыкновенным, земляным.

– Дык я ж не это имел в виду, – обиделся адепт, отплёвываясь от навоза и клочков непрожеванной газеты.

– Да ладно, не парься. Сам прикинь: работать не надо, жрачки навалом, тепло опять же. Чем не лафа?

– Ну, не знаю. Мне с руками и ногами удобнее было.

Хакуин вдруг понял, что непроизвольно обделался, и это смутило его ещё больше.

– И вот это, – продолжил он, – мне совсем не нравится. Я привык ходить по нужде тогда, когда мне этого хочется, а не просто так.

Бодхидхарма от души рассмеялся и заметил, что посреди навозной кучи это совершенно не бросается в глаза.

Вдруг что-то грубо схватило Хакуина поперёк тушки. Короткий полёт, и вот он уже на дне ржавой консервной банки. Что-то нехорошее шевельнулось в душе адепта. Где-то он уже это видел и не раз. Однако дальше было ещё хуже. Этот кто-то в скором времени снова выудил его из банки и стал насаживать на острый крюк. Хакуин орал так громко и матерно, что все комары на реке полопались от стыда.

И вот висит бедный адепт на крюку и типа в речке купается. А на самом деле это кто-то на него рыбу ловит.

Слопали его сразу! Ага. Даже икнуть со страху не успел.

Пришлось Учителю вмешаться. Рыбу сачком выловил, шелбанов напихал неразумной и потребовал выплюнуть ученика немедленно. Попробуй, откажись. Рыба, хоть и дура дурой, но спорить не стала, выплюнула.

Лежит Хакуин на травке, уже в человечесьем обличии и пузыри пускает от счастья.

– А знаешь, о Маста, я в следующей жизни, пожалуй, рыбкой стану. Так хорошо: плывёшь себе не спеша, водичка тебя окатывает со всех сторон, корм всякий сам в рот заливается. Кайф!

– Зачем же ждать? Могу прямо сейчас туда отправить.

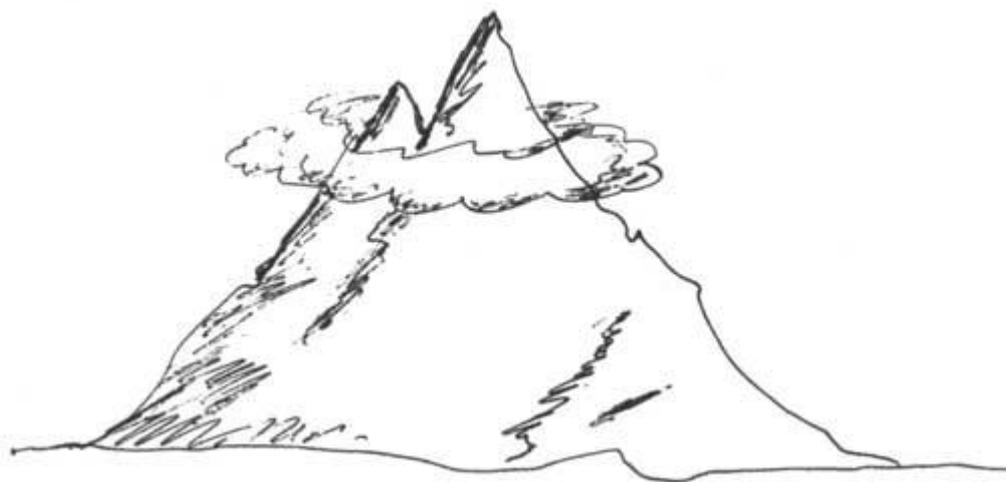
– Нет, нет, что ты! – поспешно вскочил на ноги адепт. – Я пока Хакуином побуду.

– Хозяин – барин.

Вечером, сидя в своей палатке, Хакуин записал в дневнике:

«Сегодня, по милости Учителя, был червяком. Не понравилось. Навоз – дерьмо. Хотя газета была очень даже ничего. Иэх, и почему я не пою в «Роллинг стоунз»? »

ГОРА

Как-то ранней весной Хакуину вновь захотелось сгонять на гору Линшань, где с утра до ночи крезанутые даосы отливали всякие там пилюли. За жизнь потрепаться, да и так просто, поразмяться чуток. Не сидеть же всю жизнь в одной палатке, упёршись взором в стенку.

В самом-то деле!

Сказано – сделано. Нахлобучил шапку, сандалии крэмом надраил и был таков. Учителю ничего не стал говорить. Мало ли. На всякий случай кинул sms-ку на мобилу старому знакомому, жившему у подножия горы. Ну, чтобы там предупредил кого надо, а то ж просто так фиг пустят. Знакомого звали Дэшань.

Памятуя о прошлой неудачной попытке, он не попёрся пешком, а забрался в багажное отделение автобуса с буржуйскими туристами. Спрятался среди чемоданов, прикинувшись поленом.

Ехали совсем недолго. Пару раз останавливались зачем-то. Хакуин только слышал весёлое журчание. Что-то он не помнил, чтобы на карте по пути следования были речки или ручьи. Да всякое случается. На то и Поднебесная.

Однако приехали. Чтобы не схлопотать по шее от быкастого водилы, адепт загодя вывалился в придорожную канаву и был таков.

Дэшань встретил, как родного. Он был теперь что-то типа поверенного у брата Пу в местных делишках. Приподнялся, одним словом. Усадил Хакуина за стол, чаем напоил без сахара, рассказал про небылицы всякие новые. Ага. У них тут этих небылиц – что гов... э-э-э... навоза на дороге. А всё туристы, папу их так. Насмотрятся фокусов даосских, а потом в сети тако-о-ое понаплетут!

Адепт вежливо кивал бритой башкой и шумно прихлёбывал чаёк, благо, что на халяву.

– Ты вот чего хочешь тут увидеть? – спросил Дэшань.

– Дык знамо чё! Волшебство там всякое, пилюли бессмертные. И вот ещё – старпёра какого-нить, чтоб лет за пятьсот перевалило.

– Ха! Невидаль какая. Да у нас этих «пенсионэров» тьма! Вон вишь, возле кабака перец отирается? Так вот ему уже семьсот лет. И всю жизнь квасит по-чёрному.

– Иди ты! – Хакуин с изумлением вылупился в окошко на древнего алканавта.

– Точно тебе говорю. Не без фокусов конечно. Он свою пилюлю на спиртыге настаивал. Теперь только подзаправляется ежедневно и все дела.

– Кру-у-уто. А чего ещё есть такого, чтобы вот ну просто супер-пупер?

– Хм. Это, брат, тебе надо к самому Фу Циню сходить. Говорят, ему больше десяти тысяч лет. Только он не всех принимает. Ты погоди, я ему сейчас мессагу кину. Мож чего и выгорит.

Лу Пень полез в комп и корявым пальцем настучал на клавише сообщение. Ждали три дня. Наконец пришёл ответ: «Дозволяю!».

Обитал старец в самой глухой пещере в глубине горы. Из вещей в хате были только матрац и ноутбук для связи с миром. Фу Цинь восседал на матраце в «лотосе» и с

интересом разглядывал прибывшего адепта через жёлтые очки. На вид старцу было не больше «полтинника».

– Проходи, мил человек, будь как дома, – вежливо пригласил «дедок».

– Привет тебе, о Учитель!

– Твой Учитель сейчас картоху сам на камбузе чистит и матом тебя неразумного кроет, а я просто Фу Цинь. Так меня и называй.

– Окейна! Дык эта, можешь ли ты мне показать что-нибудь такое эдакое, ну чтобы просто атас?

– Леххко! Давай руку.

Хакуин опасливо протянул грабку. Фу Цинь стремительно схватил адепта за мизинец и со всей дури дёрнул. Не успел Хакуин заорать, как старец ловко прищипнул палец к его лбу. Палец мгновенно прирос, словно тут с рождения торчал. Пока адепт раздумывал, с какого слова начинать материться, старец проворно поменял ему уши местами, нос прилепил на затылок, а на лысой башке приживил кактус.

У Хакуина от злости дар речи потерялся. Только мычит бестолково, да глазёнками ворочает. Старец напоследок пинка прописал и наказал на горе больше не появляться.

Как адепт оказался дома – не известно. Бодхидхарма, встретив, облился слезами и ржал так заразительно, что в соседней деревне крестьяне полопались от смеха. Померли, конечно. Но совсем не обиделись.

Наконец Учитель утёрся рукавом и молвил:

– Тебе ещё повезло, что старец кой-чего другое на лоб не приладил. Тогда, пожалуй, и я помер бы от смеха. Вот тебе волшебное яблоко, съешь немедля!

Хакуин поспешно набросился на фрукт. Однако не успел и половины слопать, как его голова почему-то оказалась в штанах. Бодхидхарма аж зашёлся смехом – упал на землю и катался, держась за брюхо. Когда от ржачки уже свело судорогой челюсти, он из последних сил щёлкнул пальцами, и Хакуин опять стал похож на человека.

На лице адепта не отражалось ровным счётом ничего: ни злости, ни обиды, ни разочарования. Он был спокоен, как танк. Только заметил невозмутимо:

– Хы. Да разве ж это супер-пупер? Фигня...

КАМЕНЬ

Однажды Хакуин медитировал на берегу океана, сидя на огромном валуне. Солнце едва всходило в какой-то мутной дымке, словно и не рассвет был вовсе, а что-то невнятное. И хоть ветер дул совсем слабый, но вода повсюду рябила, отчего смотреть на неё было неприятно.

Хакуин пытался сосредоточиться на Пустоте. Получалось это довольно плохо. Какое-то неудобство душевное заставляло все мысли упрямо сводиться к одному – смыслу его никчемной жизни. Именно так – никчемной. Почему он так решил, как раз и было не ясно. Это сильно удручало адепта, и слезы наворачивались на покрасневшие глаза, готовые прорваться в любой момент.

« – Что ж за бодяга такая? – думал он, – Вот начинается новый день. Не самый кайфовый, пожалуй. Буду я сидеть в палатке, вылупившись в стену. Учитель, может быть, зарулит, да вякнет что-нибудь заумное. Пожру чего-нибудь в обед. Ну, посплю мож чуток. Потом опять буду в стену лупиться. И закончится этот день так же, как и вчерашний. И чё? Какой во всём этом прок? Утром проснулся, вечером заснул, и так всю жизнь. Бляха, как же всё это скучно и неинтересно! Неужели только вот для этой хрени я и родился?».

Ну, и так далее в таком же духе.

Бодхидхарма следил за ним из своей пещеры посредством мудрой дальнзоркости и не вмешивался. Пусть. Ну, заглочило человека, что тут поделаешь. Со всяким бывает. Сам должен решить свои траблы. Не маленький, поди.

Ближе к обеду к берегу подплыли русалки и стали соблазнять адепта пышными формами. Раньше это сильно его смущало, и он убегал с матюками и красным от стыда лицом. Но сегодня Хакуин смотрел на красавиц равнодушно, словно и не видел. Девушки

ещё некоторое время покружились в замысловатом хороводе, сверкая влажными прелестями, но тщетно – монах ничем не отличался от камня, на котором сидел. Уплыли.

Потом ещё дядька Черномор пришвартовался на новой яхте. Ещё издали грозился утопить и скормить акулам за то, что так неучтиво отнёсся к его племянницам. Хакуин и его не заметил. Черномор был не дурак и сразу понял, что колбасит адепта не по-детски. Не стал топить и скармливать. Только вздохнул тяжело и рукой махнул. Потом выплыл на серёдку океана и яхту утопил нафиг. Надоела она ему чё-та сразу.

Вот уже и вечер наступил, а Хакуин всё сидит на камне и смотрит вдаль бездумно. В прострации человек, понимаешь. Тут за спиной кто-то кашлянул негромко. Адепт обернулся с кислой миной и увидел старого индейца. Тот курил длинную трубку, щуря оба глаза от едкого дыма, и слегка притоптывал левым мокасином, словно танцевал на месте.

– Тебе чего? – грубо спросил адепт.

– Да мне-то ни хрена не нужно. А вот ты, бездельник, сидишь тут весь день и индугируешь, как распоследнее чмо!

– Да ладно, мужик. Я те не Карлос какой-нить. Нечего меня тут парить всей этой фигнёй про безупречность. Мне и своего Учителя выше крыши. Вали давай, куда шёл.

– Был бы ты Карлос, я б с тобой и разговаривать не стал. Дал бы по шеям – и все дела. Но ты, чувак, не из моей сказки, а потому неинтересен мне.

– Дык чё тогда пристал!?! – воскликнул Хакуин в гневе.

– Ты мой камень занял, а мне он срочно нужен.

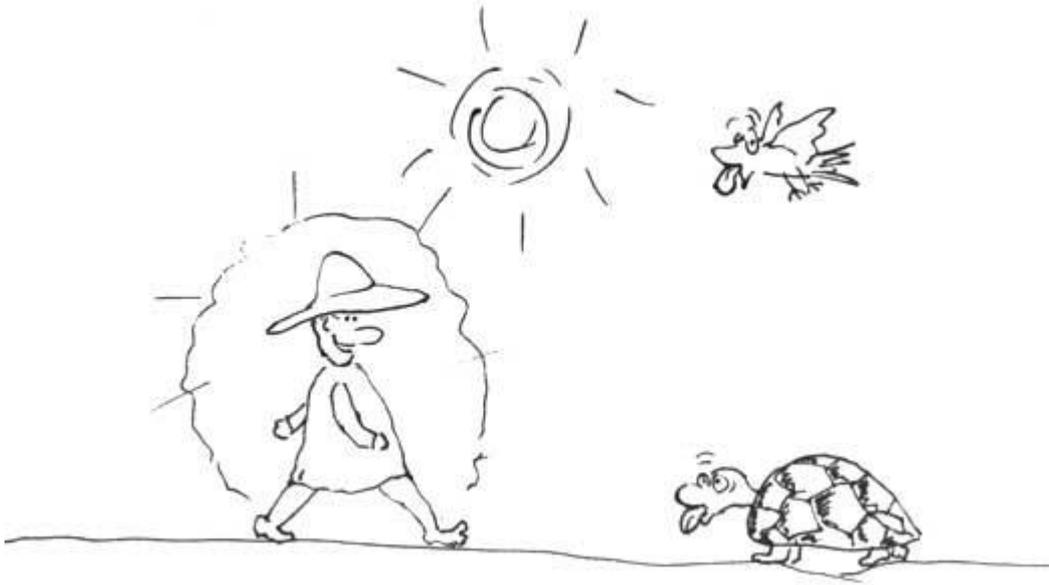
– Да пошли вы все! – заорал зачем-то адепт, сплюнул остервенело и почапал спать.

Только отошёл чуток от камня, как вдруг любопытство в нём зашевелилось: зачем это краснокожему камень понадобился? Спрятался за кустиком осоки и стал следить. А индеец забил новую трубку, засмолил от уголька из тыковки, да ка-а-ак пошёл отплясывать на камне что-то дикое. Только перья замелькали быстро-быстро. Вдруг что-то грохнуло негромко и старик исчез, а с ним и камень. У Хакуина вытянулось лицо от такой наглости. Постоял, как дурак, минут десять и с обидой в голосе произнёс:

– Вот гадство. Теперь и камушек любимый спёрли. Уроды, блин!

Совсем расстроенный отошёл.

ЖАРА

Как-то летом Хакуин пошёл на реку, желая искупаться. Жарища стояла дикая. Даже рыбы в воде и те здорово потели и поминутно обмахивались листьями кувшинок, словно веерами. Адепт опасливо потрогал воду пяткой. Ё...! Почти кипяток! Развернулся, не солоно хлебавши, и почапал к пещере Учителя. Мож там прохладнее будет?

Бодхидхарма, как обычно в это время, сверлил взглядом стену и не обращал внимания на мух, ворующих печенье со стола. Хакуин опасливо приблизился и почти шёпотом спросил:

– Слышь, Маста, прости что отвлекаю...

– Я вот чего думаю, – перебил его Учитель, – чем мне вот эту трещину в стене замазать: алебастром или этим, как его, пли-то-ни-том. Тьфу ты, хрен выговоришь! Достала она меня, ваще. Отвлекает, понимаешь!

Хакуин подпёр кулаком подбородок и стал рассуждать с умным видом знатока малярных дел:

– Ну-у-у, ежели алебастрой, дык покрепче будет. Плитонит-то – это ваще шняга. Ага! Вывалится нахрен в первые же сто лет.

– Вот и я о том же. Так чё тормозим? Ноги в руки и метнулся живенько в лавку!

– Дык эта... Там ведь жара сумасшедшая, а у меня башка совсем лысая. Напечёт же бубен-то.

– Фигня, – отмахнулся Учитель, – вот тебе панамка волшебная. Дуй давай!

Хакуин с сомнением помял в руках нечто, больше напоминающее шляпку раввина, но послушаться не посмел. К его изумлению панамы и впрямь здорово охлаждала лысину и

не только. Словно вокруг адепта образовалось некое пространство из приятственного и прохладного воздуха. Ну, понятно – волшебство же.

Шагает по пыльной улице и улыбается во всё лицо. Редкие прохожие шарахаются по канавам да обочинам. Ещё бы! Раз человек в такую жару идёт и улыбается, значит точно репу напекло. А, стало быть, псих первостатейный. Ну его.

Возле кабака встретил брата Пу. Тот сидел в тени навеса на лавке и грыз замороженное пиво. Роба смахивала на медный таз, и взгляд был совершенно одуревший. Увидев Хакуина, брат Пу просиял:

– О, братуха! Какие дела! Садись, давай, рядом. Пиво будешь?

И протянул ему бурого цвета сосульку.

Хакуин, по причине монашества, был не пьющим, но при нынешнем катаклизме природном пиво, пожалуй, не являлось таким уж грехом.

– А давай!

Сколько они этих сосулук умяли – история умалчивает. Только адепт приплёлся в пещеру Учителя уже под утро просто никакой. Пришлось наставнику трое суток вымачивать его в бочке с кислой капустой. Ну, спас, конечно.

А трещину в стенке глиной замазали. Ага. Это, конечно, не алебастр и даже не плитонит какой-то, но на пару лет хватит. А там может и землетрясение случится. Мало ли чего бывает в Поднебесной.

ДИАЛЕКТИКА

Однажды Хакуин пришёл в пещеру к Учителю в сильной задумчивости и спросил:

– Скажи мне, о Наставник, отчего во мне вот сейчас что-то грудь давит и вроде как настроение невесёлое.

Бодхидхарма нехотя оторвался от созерцания любимой стеночки:

– Чё, депресняк плющит?

– Да нет, вроде и не депрессия, а так что-то.

– Ну, дык упал-отжался раз двести, да на свежий воздух вышел прогуляться – и всё как рукой снимет.

– Ты думаешь?

– Уверен! Вали давай, не видишь – занят я.

Хакуин решил, что отжиматься сейчас не станет, а прогуляться и впрямь не мешало бы. Так и сделал. Нацепил калоши, зонтик прихватил, да и попилил неспешно в парк. Небо с самого утра было затянуто плотными облаками, и на землю лил мелкий как пыль дождик. Казалось, что мир погрузился в призрачное марево, вроде тумана, и предметы выглядели ненастоящими. Словно во сне.

Хакуин шёл, глядя куда-то в пространство, и размышлял:

– Вот у меня для счастья всё есть: и жилплощадь личная, и хавка халявная, и настоящий и мудрый Учитель – мечта всех адептов. Мне не нужно пахать с восьми до пяти у станка, не нужно платить за свет, газ, телефон, воду всякую разную, не нужно беспокоиться о шмотках на зиму и лето, меня уже не заберут в армию, мне больше не грозит женитьба, да много чего не грозит. И самое главное – впереди меня всенепременно ожидает Нирвана. Почему же меня именно сегодня это не радует? Вот вчера ещё определённо радовало, а сегодня будто потерялось что-то. Может, я не так сон смотрел? Или встал не с той ноги? А может (тут как-то неприятно засосало под ложечкой), меня сглазил кто? Да ну, фигня. Учитель сразу бы заметил, у него глаз намётанный.

Бродил так до самого обеда, но ничего путного в голову не лезло. Вернулся снова в пещеру.

– Ну, что? Решил проблему? – поинтересовался Учитель, помешивая борщок на плитке.

– Да как сказать, вроде всё обдумал, но так и не понял, в чём траблы.

– Садись, ешь.

Долго уговаривать не пришлось. Тем более после прогулки аппетит разыгрался зверский. Хакуин умял подряд три тарелки наваристого борща, да с чесночком, да с салцем. Бодхидхарма смотрел и умилялся.

Наконец адепт тяжело овалил от стола и благодарно рыгнул на всю округу. Только листья с тысячелетней сосны посыпались. Учитель довольно крикнул и снова спросил:

– Ну, а теперь как?

– А знаешь, о Маста, нет ничего лучше, чем вовремя пожрать.

– Истину говоришь, сын мой. А теперь вали нафиг, я ещё сильнее занят.

Хакуин вышел из пещеры в явно приподнятом настроении. Вернувшись в свою палатку, он завалился на рогожку и, глядя в потолок, с удивлением заметил:

– Вот ведь фигня какая – так и не понял, что потерял, но и чего нашёл тем более не понял. Диалектика, мать её.

С тем и заснул счастливый.

СОК

Где-то в середине весны Бодхидхарма и Хакуин собрались в лес за берёзовым соком. Банок трёхлитровых напихали в мешок, уголков из толстой жести понаделали и с утра пораньше отправились. По дороге дали песню. Маршевую. С выражением, улюлюканьем и присвистыванием. Зверьё попутно пристраивалось сзади и верещало куплеты на свой манер. Получалось шумно, но душевно. В общем, весело добрались.

В лесу пронзительно пахло прошлогодней прелой листвой и чем-то ещё исключительно весенним. На фоне яркого неба с перьями быстролетящих облаков он казался чисто вымытым и удивительно свежим. Старатели быстро приладили склянки к стройным белым красавицам. Берёзы не противились. Сока у них в этом году было просто в избытке, так что жадничать не имело смысла.

– А скажи, Наставник, почему сок дают только берёзы, а не сосны или там дубы какие-нибудь? – спросил Хакуин, привалившись спиной к тёплому стволу.

Бодхидхарма запалил трубочку, уселся по-турецки на кочке, поросшей мхом, и стал рассказывать:

– Берёза – это на самом деле не совсем дерево. Когда-то давно, миллиона два лет назад, я ещё тогда совсем пацаном был, ага, на Земле было полно всяких деревьев, но берёз не было ни одной. Зато травы росли – со слона ростом! Прикинь, слоны в траве вошкались, как сейчас мыши. Да-а-а... Было время. И вот, как-то раз, на Землю что-то упало со страшным грохотом. Я тогда, помню, ка-а-ак побежал смотреть чего там. Две недели бежал. Далекo упало-то. Чуть ноги не стёр напроць. Ага. Смотрю – лежит в эдакой здоровенной канаве что-то типа горшка и дымится. Жар кругом стоит нестерпимый. Я сразу сообразил, что горшок с неба свалился. Ну, натурально. Их тогда столько падало, у-у-у-у... Что ты! Только успевай уворачиваться...

Хакуин слушал, открыв рот, и в глазах его не было ни тени сомнения в словах Учителя.

– Ну, спрятался я за камушком и стал следить, – продолжил Бодхидхарма. – Через пару дней горшок остыл и оттуда как горох посыпались голые девахи. Красивые-е-е... страсть! Все беленькие, стройные и титькастые – мечта поэта. Я тогда сразу сутру соответственную сочинил. А они, понимаешь, деловито так собрались в кружок, пошептались малость, да и в рассыпную. Только я их и видел. Огорчился страшно. Я ж тогда ещё не был монахом, сам понимаешь. Стал искать хотя бы одну из них. Для начала всё же горшок их транспортный обследовал. Ничего не понял – весь в закорючках нерусских, ни кнопки, ни штурвала. Будто не летательный аппарат, а обычная кринка для молока с вензелями.

Долго я тогда по свету бродил. Сказывали, что видели тех красавиц то там, то сям, но ничего конкретного. Извёлся весь совершенно. И тут вдруг смотрю – посреди полянки лесной дерево стоит необычное – белое всё, стройное, веточки тонкие и все в серёжках. Вот, думаю, диво дивное. Сколько живу, а такой красоты ещё не видывал. Подошёл ближе и увидел, что из ранки на стволе сок капает – прозрачный, как слеза. Едва дотронулся, как деревце и говорит человеческим голосом:

– Не губи меня, мил человек, я хорошая.

Вот я тогда чуть в штаны не навалил! Дерево говорящее! Офигеть можно.

Ну, поболтали по душам. Деревце-то и оказалось одной из девиц неземного происхождения. Ага. Что-то в нашей атмосфере им не подошло, вот в деревья и обратились...

Хакуин потряс головой, словно разгоняя наваждение. Как-то это всё уж больно на сказку смахивало.

– А ты, о Маста, не брешешь ли часом?

– Чё?! Я, брешу? Да вот на-ко!

И как даст нерадивому ученику щелбана волшебного. Хакуин мигом в дерево неясного сорта обратился. Смотрит – а вокруг девицы голые, стройные и белые-белые стоят. Хихикают и совершенно не прикрываются. Адепт покраснел мгновенно от корней волос и до самих сандалий. Чихнул нервно и опять Хакуином стал. Глядит по сторонам осоловело – обычные берёзы, банками увешанные.

– Ну, теперь веришь? – со смехом спросил Учитель.

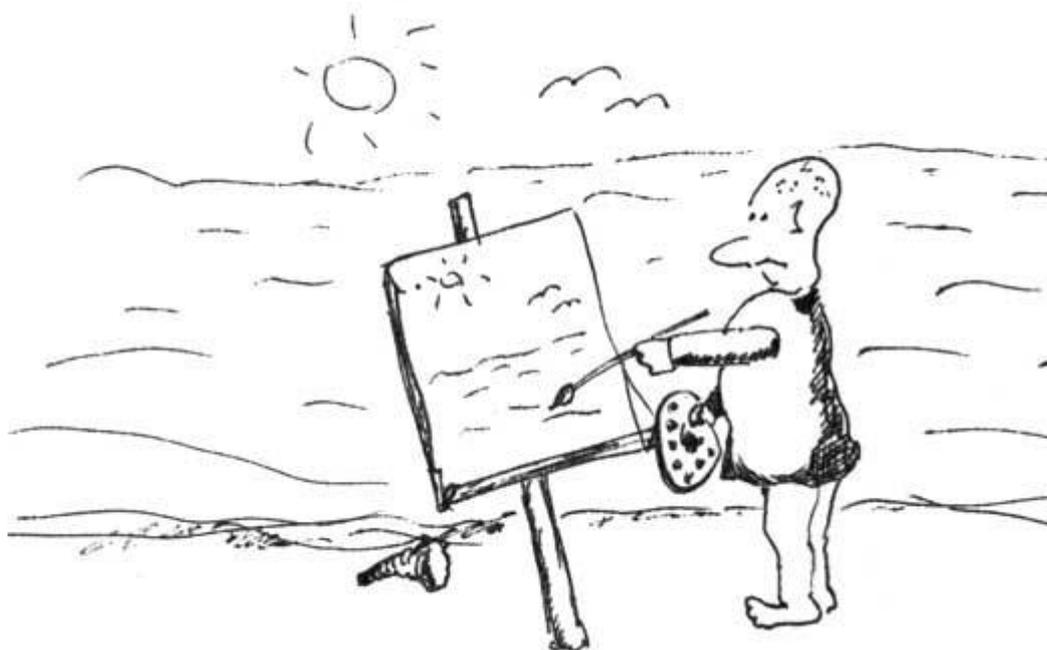
– Верю, Наставник! А это... как же мы вот так железок в них наторкали и сок качаем? Им ведь больно, поди?

– Не волнуйся. Им это в радость, если конечно не дурковать и не жадничать. Ведь они женщины, а какая женщина не хотела бы дарить своё тепло, и ласку, и любовь кому-нибудь.

Хакуин так растрогался, что перед уходом поблагодарил каждую берёзку, щедро одарившую ароматным соком, и попросил прощения за железки. Потом сгонял домой и вернулся назад, чтобы заклеить ранки скотчем.

Бодхидхарма только посмеивался. По-доброму, конечно.

ХУДОЖНИК

Как-то ранним, погожим утром Хакуин выкатился из своей палатки в приподнятом настроении и принялся с воодушевлением выполнять физзарядку. Труссы семейные по грудь, на ногах сандалии, на лице счастье без меры. Машет руками весело, да на мир поглядывает с любовью. И тут вдруг пришла ему в голову замечательная идея: а не сгонять ли на пленэр за парочкой свежих этюдов? Зарядка сразу наскучила. Метнулся обратно в жилище, быстро умылся, слопал бутерброд с колбасой, этюдник на плечо и был таков.

На излюбленном местечке у реки промышлял рыбку братец Пу. Хакуин не стал его окликать, а прикинулся незаметным и уселся на камушке. Набросал быстро красок на палитру и давай творить. Солнце словно игралось с ним: то спрячется ненадолго за пушистым облаком, то осветит местность так ярко, что, кажется, и красок не хватит. Адепт щурил глаз, примеряясь к пространству, что-то там руками в воздухе чертил. Физиономию всю незаметно красками измазал, аки порося какое. Однако пару «шедевров» забабахал.

Примчался вихрем в пещеру Учителя. На морде счастье уж совсем неприличное.

– Во, – кричит, – зазырь, о Наставник, чего я наваял сегодня!

Бодхидхарма повертел в руках картонки и так и эдак, прищурился тож, а потом и говорит:

– Фуфло фуфляцкое, из фуфляка нафуфлено.

– Чё-ё-ё?... – у адепта аж челюсть вбок уехала от слов таких обидных.

– Отстой, говорю. Мазня и только.

– Да как?!... Да ты!... Да я ж для тебя старался, о Учитель, чтоб тебя!

– Вижу, что старался, – спокойно ответил Бодхидхарма. – Только у тебя тут жизни нет. Ярких красок много, а жизни нет. Вот смотри:

И тут Учитель дунул слегка на картонку, и облака нарисованные поплыли как настоящие! У Хакуина чуть сознание не помутилось. Глазищи распахнул и оторваться не может.

– Ух ты-ы-ы!... А это как же?

– Фигня, – ответил Наставник. – Просто в каждом твоём творении должна быть частица твоей энергии, а не просто солянка из красивых мазков. Вали, тренируйся.

Хакуин потом почти месяц корпел над одним и тем же этюдом, но ни фига не пёрло. Ну, не было жизни в его картинках, хоть ты тресни. Он уже и дул в них до посинения, и чё-та там руками колдовал – всё впустую. Пришёл опять к Учителю и спрашивает:

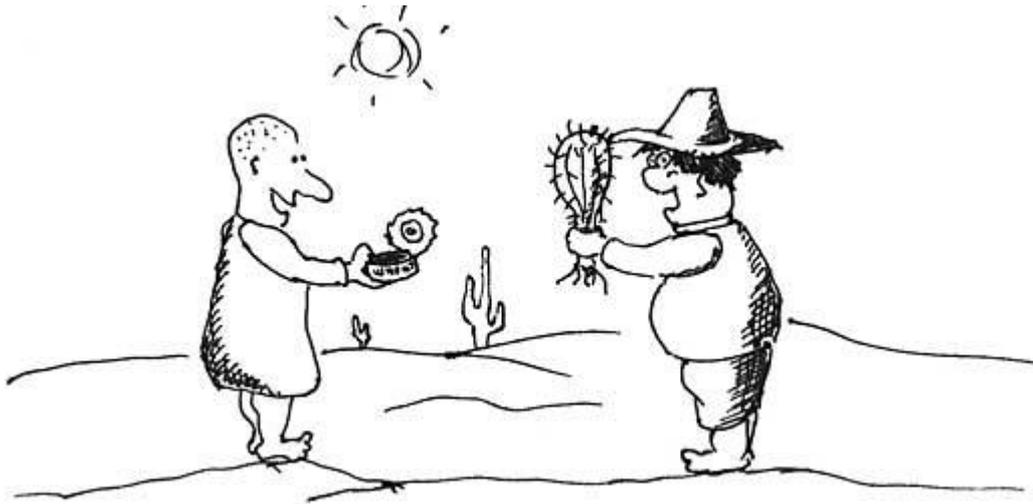
– Слышь, о Маста, я чего-то ваще не догоняю, как же мне оживить свои картины?

– Никак. Ты с самого начала должен рисовать их, вкладывая своё настроение в движения кисти. А над готовой картиной ты хоть с бубном пляши, а ничего не выйдет.

Так и поступил адепт. Ещё через месяц принёс опытный образец на суд Наставника. Бодхидхарма посмотрел одним глазком, и тут ка-а-ак прыгнет вовнутрь картинки! Хакуин только икнул сильно от неожиданности. Видит – Учитель его по нарисованному бережку носится как угорелый и орёт чего-то весело. Потом так же выпрыгнул назад и сказал удовлетворённо:

– Вот теперь ништяк!
Хакуин упал без чувств. Ещё бы – столько счастья разом!

ПУСТЫНЯ

Как-то раз отправились Бодхидхарма с Хакуином в поход. Кинули в рюкзаки по паре консервов, воды запасец, да курица кистет. Вернее, это Учитель табачком затарился, а Хакуин просто так кинул. Авось пригодится.

Пилили, не разбирая дороги, напрямки. Что горы, что леса, что реки с озёрами – всё одно. Чё-та заболтались совсем про мировые распорядки и не заметили, как оказались в пустыне. Глядь – два перца кактусы ножовками пилят. Один-то постарше будет, а второй по возрасту примерно Хакуину ровесник. Тот, что постарше вначале зыркнул хмуро, а потом ощерился от уха до уха да как заорёт:

– Дамо! Чёрт бы тебя побрал. Привет, братуха!

– Хуаныч, пенёк старый, ты ли это!

И как кинутся обниматься. Чуть не задушили друг дружку ненароком. Потом чего-то там быстро наколдовали и исчезли, хлопнув пространством. Не иначе в Пустоту отправились, чтоб перетереть там кой-какие тёмные делишки.

Хакуин вежливо мотнул бритым черепом и поздоровкался. Но товарищ с ножовкой продолжал усердно пилить кактус. Явно не хотел разговаривать. Адепт пожал плечом, уселся на плоский камушек и принялся неспешно наворачивать шпроты.

В небе кружил какой-то здоровенный птиц, давивший косяка в сторону людишек, но близко не подлетал. Знойный ветерок едва шевелил пожухлый чапараль, а солнце так пекло, словно стало ближе к Земле раза в два. Хакуин на всякий случай накинуд панамку и выудил из рюкзака вторую консерву. Чувак с пилкой заметно нервничал и, наконец, не выдержав, спросил:

– Скажи, мил человек, чего это ты там ешь такое вкусно пахнущее?

– Это? Дык это же шпроты! Ты чё, никогда не пробовал?

– Не-а, у нас тут тока пейот сушёный, да кролики жилистые, – пожаловался абориген.

Хакуин – душа человек – расплылся в улыбке и, не раздумывая ни секунды, выпотрошил рюкзак Учителя, достав ещё пару жестянок. Глаза у местного загорелись сразу. Тоже заулыбался, протянул руку и представился:

– Карлос.

– А меня все Хакуином кличут. А этот старикан – твой Учитель?

– Да, он меня всяким премудростям магическим обучает, – ответил Карлос, уминая рыбку с явным удовольствием.

Некоторое время было слышно только скрежетание ложек и громкое чавканье. В пустыне иначе нельзя – не будешь шуметь, подумают, что ты уже сам чья-то пища.

Пожрали, утёрлись рукавами довольные, и тут Хакуин вдруг спрашивает:

– Слушай, а нафига вам эти колючки сдались?

– Да ты чё! Это ж магический овощ. Без него во второе внимание фиг пролезешь.

– А мне Учитель просто щелбана пропишет, и я уже там.

– Ну, мой тоже иногда так по спине саданёт, что сразу же там оказываюсь. А тут можно самому сожрать кусочек сушёного кактуса, и все дела.

– Да ну?

– Точно те говорю. Хошь попробовать?

Хакуин что-то замялся сразу. Мол, как без учительского надзору, да может ну его нафиг? Карлос явно расстроился. Надулся гусем и даже отвернулся.

– Ну, ладно, – сдался адепт, – давай уже свою дурь.

– Это не дурь! – возразил Карлос, – Это магический овощ, не забывай. Он может и обидеться, тогда ваще кранты.

Не успел Хакуин осознать последние слова аборигена, как уже всю жевал горький кактус и морщился всем телом.

Что потом было дальше, он совсем не помнил. Очнулся только в своей палатке весь в блевотине и с сильно обгоревшей мордой. Бодхидхарма не стал материться, а только заметил меланхолично:

– Не всякая гадость для постижения мира тебе подходит. Лучше уж совсем без неё. На-ко, вот, лучше борща поешь. От него всяко пользы больше будет.

Оклемался только к вечеру. Сел по-турецки в своей палатке и записал в дневнике:

«... Кактус – дерьмо. Увижу где – спалю нахрен!»

ЧТО ТАМ?

Хакуин сидел на самой макушке тысячелетней сосны и пристально всматривался за линию горизонта. В голове шумел ветер, разметая остатки мыслей и нереализованных желаний. Хотя нет. Одно желание никак не хотело исчезать. Адепт уже и напрягался весь, и расслаблялся не единожды – всё без толку. Вот хоть застрелись, а приспичило ему всенепременно узнать, что там на другой стороне земли сейчас происходит. Глупо, конечно, но иногда казалось, что мир – это лишь небольшая территория, ограниченная видимым горизонтом. А ведь где-то там тоже есть леса и поля, реки и океаны и много, очень много других людей, у которых собственная жизнь – у каждого своя личная и непохожая на другие. И тогда мир сразу казался таким огромным, что внутри Хакуина делалось как-то прохладно и взволнованно.

Неслышной тенью рядышком пристроился Учитель.

– Чего наблюдаем? – поинтересовался вежливо.

– Дык вот думаю, что там.

– Там...

– Вот тока не надо говорить, – перебил его ученик, – что там мы сидим, потому что Земля круглая.

– Ты знал!

Хакуин молча пожал плечами и снова уставился за горизонт. Бодхидхарма для виду выпал в безразличную медитацию.

Сколько так просидели – никто не знает. Только за это время у обоих отросли бороды до земли, и в голове поселилась извечная перхоть. Да ещё сосед – братец Чжень – нахально занял пещеру Учителя, устроив там ночной клуб. А в палатку адепта местные аборигены стали водить буржуйские экскурсии, выкатывая на всеобщее обозрение его старое шмотьё и тайный дневник.

Так бы всё и продолжалось вечно, но тут в нос Бодхидхарме залетела муха, отчего тот оглушительно чихнул на всю округу. Деревьев навалил – страсть! Хакуин от неожиданности аж подскочил и рухнул оземь, изрядно помявшись. Учитель осоловело огляделся, кашлянул для верности и произнёс:

– Вот ведь паскудство! Только, понимаешь, кайф словил.

Ухватил бестолковую муху за хобот, превратил в слона и напихал пребольно щелбанов с десяток. Да и отпустил с миром.

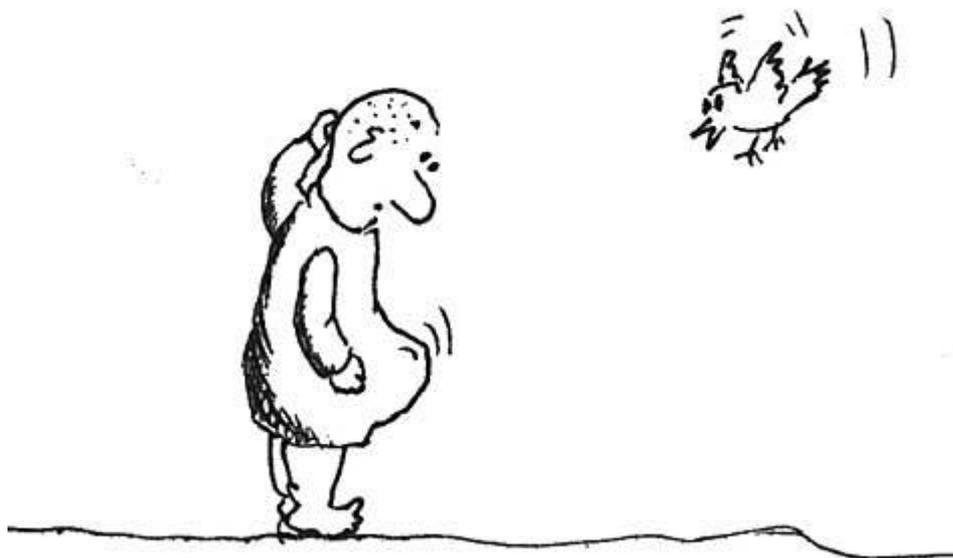
Хакуин, кряхтя и матерясь, поднялся с земли, отряхнулся слегка и говорит:

– Что-то я проголодался, о Наставник. Может, ну его нафиг – этот мир? Пошли, что ли, в столовку почавкаем?

– А давай!

И ка-а-ак забурились в местный общепит, так ещё пару лет оттуда не вылезали. Отъедались, значит. А бородищи продали потом. Ага. Парням из ZZ Top. У тех-то они искусственные были.

SEX

Однажды весной Хакуин в каком-то рассеянном чувстве навестил Учителя в пещере и спросил, глядя в никуда:

– Слышь, о Учитель, я чё-та не пойму никак – хорошо мне живётся или так себе.

Бодхидхарма выплыл из Пустоты, продрал залипший глаз и хриплым голосом вещал:

– Да ниспошлёт когда-нибудь Великий Будда озарение и ясное осознание на твою бритую плешку, чтоб тебе пусто было! Чё за беда опять?

– Да вот не знаю чё-та. Я ж вроде как монах, а всё одно на женщин тянет.

– Радуйся, что не на мужиков, – проворчал Бодхидхарма и плюнул досадливо в урну.

– То есть, как на мужиков? – изумился адепт.

– Ладно, проехали. Дак в чём траблы-то? Опять жениться захотел?

Хакуин почесал в репе, пожал плечами:

– Не, чё-та жениться не хочется. Женщину хочется.

– Хм... Ну, и как же ты собираешься совмещать воздержание монашеское с плотскими утехами?

– Дык вот и не знаю как. Посоветуй чё-нить, а?

Бодхидхарма задумался крепко. Да так, что выпал незаметно в глубокую медитацию лет на двести. Хакуин всё это время нарезал круги возле пещеры, чтобы хоть куда-нибудь девать излишек энергии. О других способах, слава мудрому Учителю, он даже и не догадывался.

Однако ж и это вскоре наскучило. Он подошёл к Бодхидхарме и что есть дури заорал в ухо:

– Маста-а-а-а!!! Э, аллэ! Рота подъё-ё-ё-ём!!!

Учитель вздрогнул слегка, икнул ненавязчиво и говорит:

– Во прикол. Кажись, обделался.

– Ну, а со мной-то как?! – воскликнул Хакуин, чуть не плача.

– Не заморачивайся...

ОЖИВШИЙ МЕРТВЕЦ

Как-то поздней осенью Хакуин сидел в своей палатке и смотрел в окошко. На улице поливал нудный дождик, и настроение у адепта было соответствующее. В голове порой тягуче проплывала мысль, что всё прах и когда-нибудь также покроется прахом. А посему – на кой хрен вообще дёргаться? Листья с деревьев давно уже осыпались. Настало время слякоти и крошечной темноты по ночам. Учитель задвинул вход в пещеру камнем и наказал не беспокоить его до самого Нового года. Туристы тоже схлынули разом, отчего в поселении стало совершенно безлюдно, будто вымерли все.

Вот, казалось бы, сиди да медитируй себе на здоровье, умишко беспокойный от мыслей суетных очищай, благо никто не беспокоит. А вот чё-та и не медитируется ни

фига. Будто ватой башка набита. На всякий случай съел чего-то. Не помогло. Жалко стало себя аж до слёз. Сидит Хакуин на циновке у помершего телевизора и носом шмыгает ежеминутно.

Тут вдруг кто-то прям без стука завалил в палатку и с матюками рухнул оземь, споткнувшись о brutальные зимние валенки адепта. Глянул Хакуин вскользь на гостя непрошенного, да и заорал от испуга, потому как пришелец сильно смахивал на ожившего трупа. Натурально: весь в земле, драных лохмотьях взамен одежды, глазищи вылупил дико и воняе-е-ет – аж нос свело. Окинул, значит, взором безумным помещение, чайник увидал, да и припал к посудине, шумно хлюпая. Выдул всё разом. Сидит, дышит тяжело и какие-то знаки руками подаёт адепту. Мол, не сердчай, добрый человек, сейчас всё объясню. Прокашлялся и говорит сипло:

– Прошу прощения, мил человек, за вторжение моё неуместное. Тока вот задубел я порядком. Позволь у тебя погреться чуток?

Хакуин уже отошёл от испуга, с интересом разглядывая странного гостя. На вид ему было лет тридцать с небольшим, невысок, сильно худ, отчего сразу на нежить показался похожим, и длинные волосы, стянутые сзади в хвост. Явно городской, судя по повадкам. Адепт заново налил в чайник водицы, поставил на огонь и предложил гостю пару лепёшек рисовых, на которые сам уже глядеть не мог. Тот не стал привередничать – срубал пайку в один момент. Ещё чаю горячего навернул пять стаканов сверху. Отмяк чуток, лицом повеселел. Вздохнул протяжно, да и говорит:

– Спасибо тебе, добрая душа. А то ить я и взаправду чуть кони не двинул в этой кутерьме.

– Как так? – не понял Хакуин, – Ты ж вроде не больной кажись.

Гость усмехнулся криво:

– Это как посмотреть. Если с точки зрения психотерапевта, то я – законченный шизик. Я ж только что из могилы вылез!

У Хакуина снова дыхалку спёрло от испуга. Да неужто, и впрямь зомби к нему в гости пожаловал?

– Да ты не шугайся, – успокоил его пришелец. – Живой я, не вурдалак какой-нить. Это просто техника такая. Кастанеду читал?

Хакуин помотал головой.

– А-а-а... Ну, чтобы долго не объяснять, короче – это типа твоих медитаций, только круче: закапываешься в земелюшку, аки труп, и лежишь там некоторое время. Очень интересные состояния случаются. А уж сознание очищается, вообще будь здоров как!

– Чё, правда? – недоверчиво спросил адепт.

– Зуб даю!

Хакуин зябко поёжился. Представилось ему, как это – лежать в земле зарытым, вроде живой ещё, а вроде и нет. Бр-р-р... Жуть какая. Вот когда они зимой с Бодхидхармой в

сугробе мёрзли, так там хоть светло было, да и в компании всё же легче. А тут один, в земле сырой, червяки опять же кусаться пробуют. Дикость какая-то.

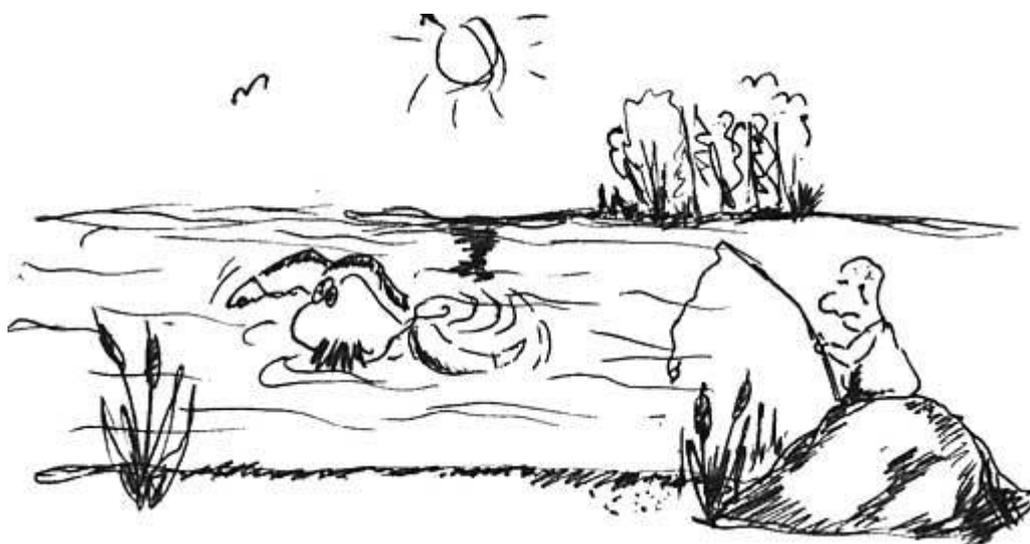
– Ну, и как оно? – спросил Хакуин. – Очистил сознание-то?

– Да фиг его знает, – рассмеялся гость. – Я же только две недели там провалялся. А тут ливень этот начался. Меня натурально затапливать стало. Какая уж тут практика. Задубел как цуцик. Время неподходящее выбрал. Буду лучше летом пробовать.

Согрелся гость, поблагодарил, да и ушёл своей дорогой. А Хакуин достал дневник, подумал чуток, карандашик помусолил и записал:

«Сегодня приходил в гости покойник. Живой ещё, правда. Выпил чаю, много. Явный псих. Когда помру, попрошу меня кремировать. Чё-та в земле валяться расхотелось...».

УТРО

Однажды прозрачным и светлым летним утром Бодхидхарма выполз из пещеры, потянулся сладко и заключил:

– Определённо Сансара бывает чертовски хороша! Чтоб мне лопнуть.

Похрустел-потрещал суставами, да и метнулся вокруг посёлка круги нарезать, даром что босиком. «Пятёрочку» отмахал – не задохнулся ни разу. Добежал до реки и, как есть в одежке, сиганул в воду с шумом, брызгами и весёлым фырканием. Пока барахтался в речке, всю рыбу распугал. Вылез довольный на берег, смотрит – Хакуин сидит на камушке с кислой миной на лице и явно злой, как барсук.

– О! А ты чё не купаешься? – спросил Учитель, прыгая на одной ноге и вытряхивая воду из уха.

– Вообще-то некоторые тут рыбу ловить пытаются, – язвительно заметил Хакуин.

– А-а-а... Ну, извини. Да неужто обиделся?

– На тебя обидишься, – буркнул адепт и отвернулся.

– Да ладно, не серчай. Сейчас мы тебе рыбы целый косяк нагоним. Тока успевай червей насаживать.

– Не хочу!

Бодхидхарма сделал брови домиком:

– Не понял.

– Волшебства не хочу! – воскликнул адепт. – Хочу по-настоящему, чтобы вот как прикормил с вечера, да с утра пораньше тоже каши там, перловки всякой со жмыхами побросал, где надо, снасти всякие приготовил да снарядил червячками – чтобы по-человечьи всё. А ты – волшебство-о-о, да волшебство-о-о. Надоело!

Видит Бодхидхарма – завёлся ученик не на шутку. Ухватил его за пятку и давай в воде полоскать, окуная целиком. Хакуин извивался, дёргался и матерился так крепко, что рыбы вообще передумали тут когда-нибудь впредь селиться. Даже пиявки с лягухами разбежались, приговаривая:

– Ай-яй-яй, ой-ёй-ёй, фу-у-у, как некрасиво.

Когда ученик затих, Бодхидхарма выволок его на берег, прислонил спиной к камушку и прописал волшебного щелбана. Взгляд у Хакуина сразу прояснился. Сидит, глазами лупает понятливо, а у самого вопрос немой во всём выражении лица, слегка судорогой сведённого. Мол, а чё?

Учитель улыбнулся от уха до уха и говорит:

– Не всё волшебство, что выглядит таковым, также как и не всё не волшебство, что таковым не выглядит. Фишка в том, как ты к этому относишься. Усёк?

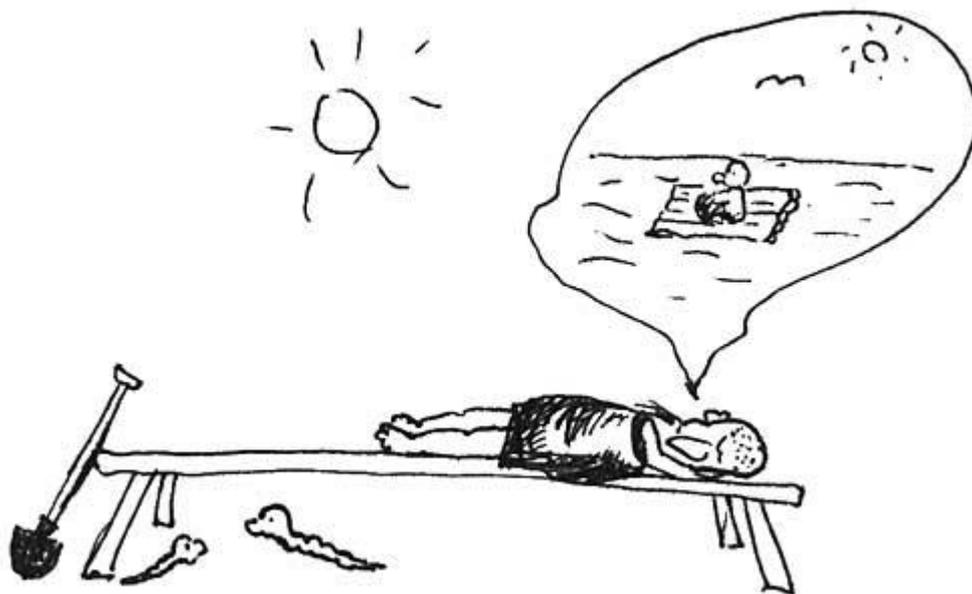
Хакуин мотнул башкой на всякий случай.

– Ну, тогда ноги в руки и айда завтракать! – воскликнул Бодхидхарма и через миг уже чего-то жарил в пещере на плитке.

Хакуин посидел ещё чуток на берегу, любовался солнечными бликами на молочной воде и заключил:

– Или я дурак, или все остальные умные. Дурдом ваше...

ДРУГОЙ СОН

Хакуин копал грядку под картошку и поминутно отплёвывался от комьев земли и возмущённых червяков. Очень быстро копал, двумя лопатами сразу. На деревьях уже вовсю проклёвывались листья, мать-и-мачеха заполонила огород, а высоко в небе какой-то пернатый весело орал свадебные гимны. Наступило то замечательное время, когда рано утром ещё весна, а к полудню уже настоящее лето.

Отпахав до обеда, адепт устало припал на скамеечку, и тут же заснул незаметно. И приснился ему удивительный сон. Будто плывёт Хакуин на плоту по бескрайнему морю светло-бежевого цвета, над головой опрокинутой чашей нависает бледно-розовое небо, и яркое-яркое, цвета индиго, Солнце печёт плешку изрядно. На поверхности воды ни щербинки, ни рябинки – штиль полнейший. И такое спокойствие да благодать вокруг, что даже шевелиться неохота. Лежит адепт посреди плота, рукой щёку подперев, и откровенно балдеет.

Вдруг из воды высунулась пёстрой расцветки рыбина и вполне внятно спросила:
– Шлангуешь?

– А чё ещё делать-то? – удивился Хакуин.

– Грести куда-нибудь, – резонно заметила рыбина.

– А нафига? Да у меня и вёсел нету. И вообще, чего пристала? Сама грести куда хошь.

Рыбина не обиделась. Только плавником у виска покрутила и свалила на глубину.

Долго ли так плыл – неизвестно. Во сне ж оно как: может пара мгновений проползти, а может и веков несколько прошмыгнуть, сразу и не заметишь. Однако вскоре стал замечать Хакуин, что ничего вокруг не меняется. Солнце оставалось всегда на том же самом месте, море продолжало отсвечивать зеркалом, да и плот похоже застыл будто приклеенный. Заскучал адепт. Стал грабками воду мутить. Тут его и прихватила рыба-хакуиноед. Пряма за палец большой цапнула, подбросила вверх, да и проглотила в один присест.

Сидит Хакуин в брюхе хищника, переваривается понемногу, а самому вообще всё по барабану. Ну проглотили, ну растворится он тут вскоре, однако ж не больно чё-та, да и жалость к самому себе куда-то потерялась. Сплошной, понимаешь, пофигизм.

Так бы и исчез вовсе. Ага. Последняя жилка оставалась, когда вдруг кромешную темноту разорвал с треском яркий свет, блеснув стальным лезвием рыбацкого ножика, и жалкие остатки адепта сноровисто подхватила чайка. Тут, как обычно и бывает во снах, Хакуин сразу встрепенулся и ощутил себя этой самой птицей. Летит, круги вокруг баркасов нарезает, глядит, чего бы ещё стырить. Хорошо так! Ветер упругий перья тербит, голова от счастья чуть кружится. Кайф!

Внезапно большая тень накрыла адепта, и не успел даже крикнуть толком, как что-то больно впилось в спину, выдрав разом кучу перьев. Угасающим взором успел Хакуин только заметить огромный хищный клюв и крыло цвета ночи. Потом его стало дико трясти.

« – Всё, крадец!» – подумал Хакуин, прежде чем окончательно помереть.

Но тряска продолжалась и продолжалась, а костлявая что-то не торопилась прибрать адепта. Тут что-то сильно обожгло щеку, потом вторую, а следом послышалась такая тирада на непечатном, что я тут, пожалуй, не стану её приводить.

Распахнул Хакуин глаза, глядит осоловело, а это Учитель по щекам его хлещет и матерится на всю Кондратьевскую. Если культурно, то звучало это примерно так:

– Ты что ж, поганец, папу твоего так, филонишь?! Кто, ёпрст, картохи жрёт больше всех, а? Почему дрыхнешь на рабочем месте, чтоб тебя во все отверстия э-э-э... того в общем!

Хакуин только головой трясёт бестолково и ничего понять не в силах. Пришлось Бодхидхарме ухватить адепта за шкварник и в речке прохладной прополоскать немного. Вроде прочухался малость. Стоит, за лопату держится.

– Слушай, о Маста, а почему мне такой вот сон странный приснился? – и рассказал о приключениях своих.

– А я почём знаю? – удивился Учитель. – Сон твой, значит сам и кумекай, что к чему.

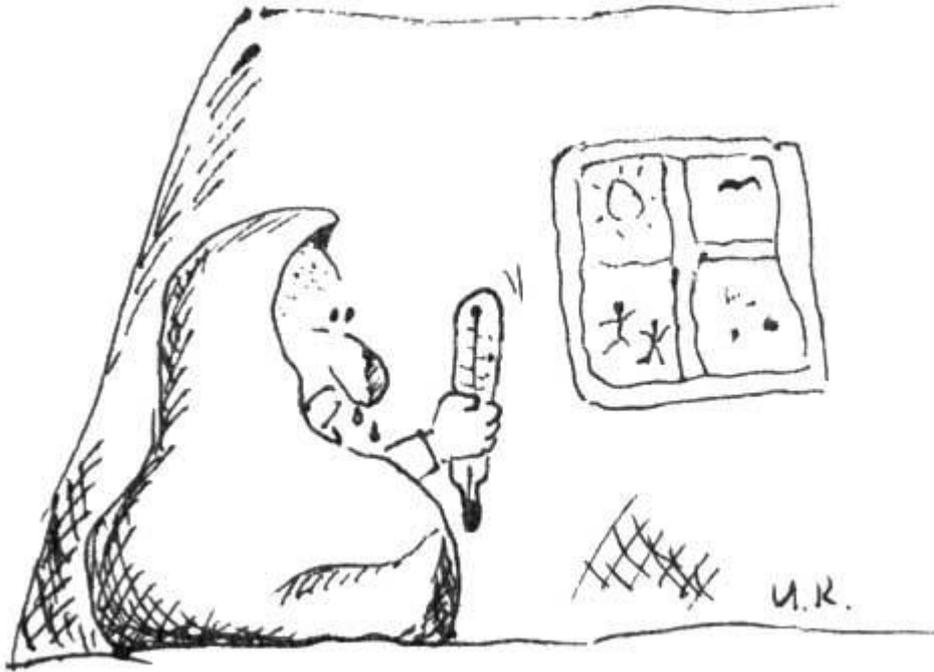
Почесал репу Хакуин, плечами пожал:

– Да фиг его знает. Живой, и ладно!

– Вот это верно. А ну-к тащи ещё лопаты!

И как пошли четырьмя лопатами, да в четыре руки огородец пахать! Только пыль столбом, да червяки по сторонам с воплями разбегаются. Гектаров десять за день отмахали. А чё мелочиться то? Картоха – она завсегда вещь нужная.

ЗАБОЛЕЛ

Как-то раз Хакуин простудился конкретно: нос заложило, в ухе кто-то кувалдочкой стучал непрерывно, глаз слезился, и вообще всё тело ломило нещадно и бросало то в жар, то в озноб. Сидит адепт в палатке своей, завёрнутый в одеяло, и с тоской наблюдает в окошко, как народ веселится и тащится, потому как лето на дворе. Завидки берут, понимаешь. Тоже хочется и в речку прыгнуть, и на солнышке пожариться. А запахи! Какие замечательные летом запахи! А шнобель, подлец, даж дышать не хочет, не то, чтобы нюхать. Вот ведь засада!

День просидел Хакуин в палатке, другой. На третий стал замечать, что мир сузился до звона в ухе и желания сжаться в комочек. И чтоб тепло было со всех сторон, и чтоб не болело больше ничего. Все другие желания-нежелания словно испарились. Вот, вроде, совсем недавно хотел мопед новый, а уже не хочется чё-та; хотел язык какой-нить полезный изучить – тоже заглохло; хотел соседу в ухо дать за то, что скамеечку у дома стырил – наплевать стало. И так во всём. Чего бы не всплыло в затуманенном мозгу – всё казалось скучным и таким далёким. А вот звон в ухе – вот он, рядом. Изводит, собака, уснуть толком не даёт. По ночам не сон и не бодрствование – бред какой-то бестолковый. Утром встаёшь ещё более усталый, чем вечером. Вот хоть ложись, да помирай нафиг.

Учитель тем временем свалил в незнакомую Пустоту на неопределённый срок и явно не наблюдал адепта посредством мудрой дальнзоркости. Так бы давно вылечил конечно. Оставалось только одно средство – добраться как-нить до местного фельдшера и попросить микстуры полезной. Едва сандалики нацепил Хакуин. Так его бедного плющило и колбасило не по-детски. А уж как до лекарни добрался и под пытками не вспомнил бы. Ага. Однако дошёл.

Доктор был как всегда вусмерть пьян. Ну, естественно! А что ему ещё оставалось, ежели пациентов было тьфу, а медсестричек никто из города не слал? Вот и «протирали»

он внутренности спиртом, чтоб, значит, инфекция какая не завелась. Увидев болезного адепта, мастер клистирных трубок весело вскричал:

– Ха! Вы таки гляньте: натуральный tonsillitis vulgaris!

– Не надо матом, – попросил Хакуин вежливо и на всякий случай поднёс кулак к сизому носу лекаря.

– Сам ты нерусский! – обиделся фельдшер, и даже отворотился на своём табурете крутящемся.

– Слышь ты, кончай стебаться, не видишь – худо мне. Ща вот помру тут, и станет тебе стыдно совсем.

– Ладно, болезный ты мой пришелец. Не лечи! Я сам кого хошь залечу. На-ко сожри вот этих таблеток горсть, да вот этой гадости потом будешь глотать по три ложки перед жрачкой. Мож и не сдохнешь.

Терять Хакуину всё равно было нечего, поэтому он не стал дожидаться и смолотил всё разом. Доктор посмотрел на такое безобразие, махнул рукой, да на всякий случай сунул адепту в карман таблеток от поноса. С тем и расстались.

На удивление всё быстро пришло в норму у Хакуина. Ага! Только до дому добрался, как тут же его и пронесло. Да с таким ускорением реактивным, что последние метры до палатки летел как сокол в атаке. Штаны, конечно же, испортил. Но зато наутро вскочил огурцом-молодцом, словно только родился на свет Божий. Выбежал из палатки в одних труселях семейных, зарядочку сделал быстро и заключил:

– Эх ты, ёпарэсэтэ! Жить-то – до чего же хорошо!!! И зачем только помирать собирался? Дурак, чесслово!

ЖАДНОСТЬ

Как-то к Хакуину пришёл брат Пу и попросил денег в долг. Хакуин быстро прикинул в уме, что денег ему, скорее всего, не вернут, и отказал. Помялся эдак немного для виду, сказал что сам «на нулях», да и занятый очень. Ушёл брат Пу без бабок злой и надутый.

Потом в гости к адепту родственники пожаловали. Всё вверх дном перевернули. Особенно детёныши сеструхи двоюродной постарались. Да ещё и к велику прицепились оба. Сами недомерки, а норовят сразу вдвоём забраться на сиденье. Едва не поломали нафиг. Пришлось отнимать с рёвом и соплями.

Дальше – больше! Прикатил пьяный председатель колхоза на телеге. Лошадь, похоже, бухала вместе с хозяином, потому как рожа перекошена была изрядно и глаза собрались в кучку. Председатель, сволота, потребовал сдать в общак три мешка картошки. Жалко было отдавать-то. Спорили до хрипоты и матюков уж вовсе нечеловеческих. Сошлись на двух, причём Хакуин выклянчил на халяву три ведра аммофоски.

К вечеру снова приплёлся брат Пу, пьяный в усмерть, и обозвал Хакуина сволочью и жадюгой. Чуть не подрались. Обидно ж стало, ваще! Сволочь – это ещё ладно, а чего это вдруг – жадюга?

Расстроился Хакуин конкретно. Пришёл к Бодхидхарме и спрашивает:

– Скажи, о Учитель, я жадный что ли?

– Ну-у-у... есть чуток.

– Да где ж я жадный? – удивился адепт, – Нешто я зажиллил когда-нить чего-нить?

– А баблосов брату Пу? А велик твой? – хитро улыбнулся Бодхидхарма.

– Дак то ж не жадность вовсе! Брат Пу пропьёт все деньги и не вспомнит даже, что занимал. А велик новый совсем. Эти олухи сеструхины сломают его напрочь, а мне на чём кататься потом? Не жадный я, а практичный.

– Это роли не играет, – флегматично отозвался Учитель. – Всё одно тебе жаль этих вещей. А потому ты есть жадюга и крохобор.

Не ожидал Хакуин такой отповеди. Расстроился ещё больше. Убежал, шмыгая носом, в темень ночную и до самого утра просидел в потаённой пещерке, размышляя над словами Учителя.

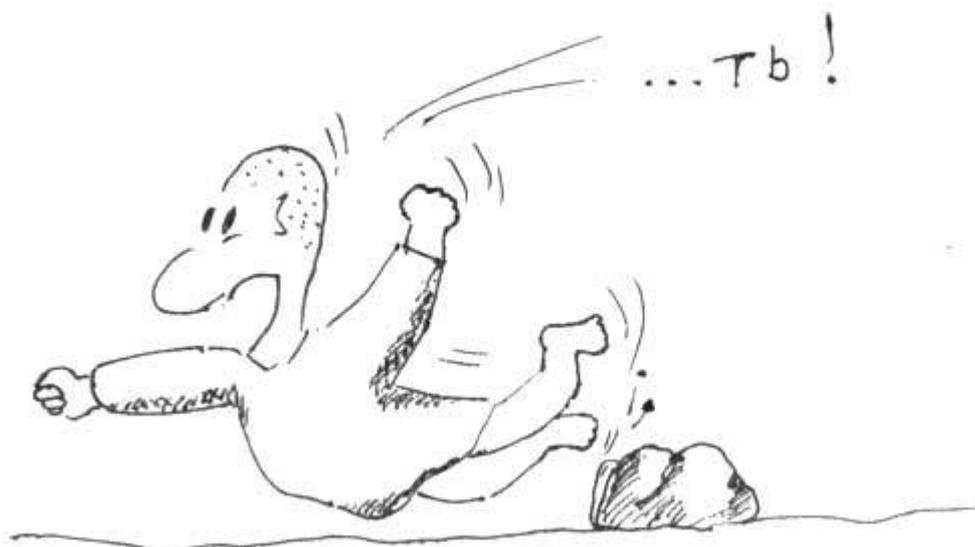
На утро вернулся, зашёл без стука и с порога заявил:

– Ты можешь называть меня кем угодно, хоть жмотом, хоть этим, как его, бором там каким-то, а только я так считаю: пока мне что-то надо, я буду это беречь, а ежели не надо – забирайте нафиг те, кому нужнее. Вот!

– Ну что ж, – молвил Учитель, – тогда принеси мне свой ум.

Хакуин чуть было не прозрел. Да отвлекло что-то. Ага.

ЗЛОСТЬ

Хакуин проснулся в приподнятом настроении, с удовлетворением отметив, что утром у него всё функционирует как надо. Перед внутренним взором нехотя таяли ночные грёзы, всё ещё будоража воображение характерными округлостями. День намечался бодрый и приятный во всех отношениях.

За завтраком Бодхидхарма ненавязчиво потребовал прополоть посадки картохи. Хакуин не посмел отказаться, но внутреннее его благосостояние как-то сразу вдруг подёрнулось лёгкой рябью, словно ветерок подул. Делать нечего, пришлось вместо радостного ничегонеделания взять мотыгу и чапать на огород.

И всё бы ничего, но вот заскулило что-то глубоко внутри Хакуина. Едва слышно, однако же настойчиво. Словно в детстве, когда любимую игрушку отнимают на время, чтобы ты таки слопал ненавистную кашу.

Пришёл Хакуин на грядки и вздохнул тяжело, оглядывая необъятную плантацию картошки, которая успела за одну неделю так зарости всевозможными сорняками, что впору было на танках пробиваться. На разлапистой ели, что росла на краю поля, сидели галки и подкалывали адепта:

– Во, зазырьте, Хакуин нарисовался!

– Ага! Уже по картохе соскучился?

– Эй, лысый, тут картохи нету. Уже!

– Гы-гы-гы! Га-га-га!

И всё в таком духе. Хакуин насупился, но отвечать не стал. А то ж засмеют нафиг. Ну их совсем. Ухватился покрепче за инструмент и давай постороннюю ботву уничтожать планомерно. Да чё-та неудачно взялся. Кольнуло что-то в палец. Да резво так. Аж мотыга из рук выскочила. Смотрит Хакуин – заноза в руку впилась. Здоровая, собака. Минут двадцать зубами да ногтями вытаскивал. Еле осилил. Настроение ещё хуже сделалось. А галки знай, потешаются:

– Во, гляньте, чё-та нашёл.

– Ага! Клад, наверное.

– Хакуин, поделись по братски, а?

– Гы-гы-гы! Га-га-га!

Ваще достали! Поднял Хакуин горсть щебёнки да запульнул в обидчиц. Не попал, конечно. Совсем расстроился. А тут ещё остутился неловко, да на мотыжку пяткой наступил. Инструмент подпрыгнул и так больно по ноге стукнул, что аж слёзы из глаз брызнули. Ухватился Хакуин за ушибленное место, скачет на одной ноге и верещит от избытка чувственного. Об камушек невзначай споткнулся, да и в крапиву жгучую полетел голым пузом. Ещё пуще заорал. Морда покраснелась, зубами скрежещет, злой стал, как сто китайцев. Одни маты на уме. И чтоб всех, понимаешь, в расход!

Как домой прибежал и не помнил уже. Всю посуду побил нафиг, велик сломал, кактусы из горшков повывёргивал и съел со злости сырыми. Палатку вообще чуть не спалил. Хорошо, спички отсырели вовремя. Хотел даже сделать с собой что-нить непотребное. Пришлось Бодхидхарме вмешаться: ухватил адепта за шиворот и забросил в бочку из-под огурцов. Задраил крепко, да и в подпол пихнул недели на три. Потом выковырнул, конечно. Смотрит – Хакуин улыбается почти как Будда.

– Ну чё, буйный, успокоился чуток?

– Ага. Сам не знаю, что нашло.

– Бывает. Все мы человеки. Главное – в себе не держать.

– Ты думаешь?

– Уверен!

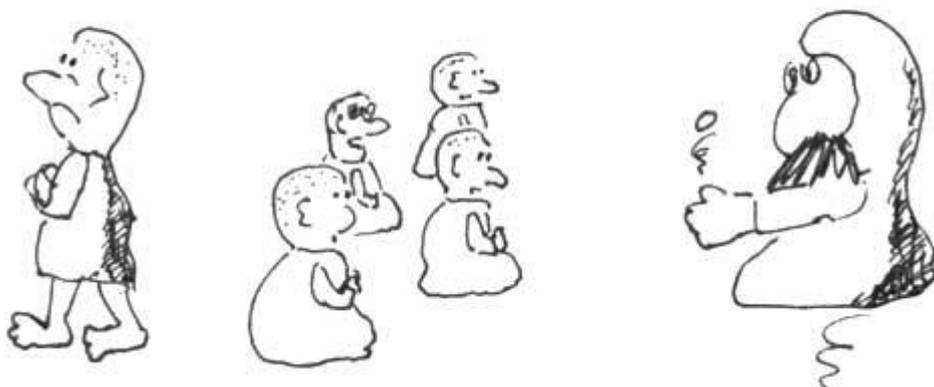
– Ну, тогда не серчай.

И ка-а-ак саданёт Учителю увесистый хук справа! Заулыбался ещё шире. Будда вообще обзавидовался бы. Ага.

А Бодхидхарма не обиделся даже. Собрал зубы, приладил на место и заключил:

– Ну, или так.

РЕВНОСТЬ

Как-то к Бодхидхарме прислали из города партию свежесбранных адептов для срочной переподготовки из кришнаитов в нормальных человек. Самым отъявленным пригрозили альтернативой армейской службы. Учитель на радостях не мог. Давно он салаг не обучал чему-нить полезному. Хакуин вон уже и в Пустоту сам порой заглядывает, да и о премудростях всяких порассуждать любит. Чему его учить ещё? А тут такой богатый материал.

Ну, конечно, увлёкся. Почитай с утра до ночи вразумлял новобранцев, поучая основам дзэна и гоняя их в хвост и в гриву по самодельной полосе препятствий среди огородов и жгучей крапивы. Кое-кто из молодёжи даж скрипел зубом и думал, что в армейке было бы легче. Наивные.

Хакуин вначале никак не относился к сему делу. Ну, прислали и прислали. Пофигу. Главное, его не трогают и к работе излишней не привлекают. Он даже ходил по двору с каменным выражением на лице, всем своим видом показывая, что он тут круче любого «дембеля» и вообще почти Будда.

Только вот по прошествии энного количества недель, стал Хакуин замечать, что Учитель как-то вроде забыл про него. Он и раньше, бывало, запирался в пещере своей надолго и совершенно не обращал внимания на вопли адепта, когда срочно был нужен.

Но тут что-то жгучее и неприятное зашевелилось в душе ученика. Он уже давно заметил, что Бодхидхарма особо благоволит одному юному новобранцу и подолгу с ним беседует на какие-то философские темы. Хакуин явно не догонял, о чём таком умном они беседуют каждый вечер после ужина. Пытался подслушивать, но ни фиги не понял. Было похоже на бред:

– Что же достойно настоящей заслуги?

– Чистота и мудрость, обретаемая в окончательном просветлении, когда тело и собственное «я» пусты и покойны.

– Каков же основной принцип святости?

– Есть только Пустота и никакой святости.

– Что же тогда передо мной?

– Мне это неведомо...

И все в таком духе. Порой казалось, что это они специально так прикалываются над бедным адептом, считая его тормозом и недалёким человеком. Злость и негодование тогда просыпались в душе адепта. Хотелось прийти ночью и устроить умному «ботанику» натуральную тёмную. Да только ночевали новобранцы кучкой в общей пещере. Могли и побить крепко. А потому Хакуин заперся в своей палатке и копил злобу на всех и вся, вспоминая порой, как здорово было, когда Учитель обучал всяким премудростям только его одного. В такие мгновения на глаза накатывали слёзы, и в груди так что-то сжималось, что хотелось реветь не переставая.

Наконец Хакуин не выдержал и прибежал в пещеру во время утренней медитации с перекошенным от обиды и гнева лицом.

– О, Учитель, чтоб тебя! – воскликнул адепт, – Ты видимо позабыл про доброго Хакуина?! Чтоб ты провалился со своими новыми учениками!

И зло хлопнул камнем.

Потом Хакуина носило по свету лет пятьсот не меньше. Он и у даосов пожил какое-то время, пытаясь отлить свою пилюлю бессмертия. Да чё-та видимо не так смешал. Бабахнуло на всю деревню. С верхушки Линьшаня даже несколько деревьев вековых поносило. Даосы не обиделись, конечно, но настоятельно попросили проваливать, пока цел.

Потом его занесло в Россию, и он долгое время подвизался в некоем заброшенном монастыре. Там всё было очень странным. Древний старец почти ничему не обучал адепта, а только заставлял работать с утра до ночи, а ночью молиться, стоя на коленках. И оттуда Хакуин сбежал.

Далее он смутно помнил, как бомжевал по большим городам, обитая на помойках и в трущобах мегаполиса. В Питере, правда, понравилось больше, чем в Москве. А потом его приморозило лютой зимой в глухой деревеньке без названия, и адепт посчитал, что уже помер. Да видать ошибся чуток. Ага! Очнулся возле смутно знакомой пещеры, смотрит осоловело: стоит перед ним розовощёкий Бодхидхарма и глаз щурит хитро.

– Ну что, приятель, поколесил по свету? Ну, и где жить лучше?

Хакуин вначале даже не понял, на каком наречии это прозвучало. Хотел ответить матерно, однако язык не слушался. Промычал только что-то неразборчиво. Пришлось Учителю отмачивать его в бочке с «Ванишем», потому как вонял адепт ну просто неприлично.

Пока Хакуин пускал пузыри, сидя в бочонке, в памяти его стали понемногу всплывать давние воспоминания. Не все, конечно, но Учителя он таки вспомнил. Ага. Вынырнул из пены розовой и спрашивает:

– А скажи, о Учитель, не было ли у тебя другого любимого ученика?

– Да ты ж мой единственный ученик! – удивлённо воскликнул Бодхидхарма.

– А как же те, ну, кришнаиты которые?

Бодхидхарма наморщил лоб, пытаясь вспомнить, о ком речь, но так и не просёк.

– Ты это о чём?

– Ну, как же! Я ведь помню, как ты взял на обучение из города группу новобранцев и занимался с ними постоянно, особенно с одним умником, забыв обо мне вообще.

И тут Бодхидхарма неожиданно ухватил Хакуина за пятку и кинул на вершину тысячелетней сосны. Адепт даже вскрикнуть не успел, как оказался в Пустоте. Огляделся испуганно. Учитель сидел в лотосе на призрачном облаке и улыбался:

– Ты глуп, Хакуин. У меня не может быть других учеников, потому как это твой мир. Всё в нём решаешь ты сам, видишь только ты сам и осознаёшь всё это ты, а не кто-то другой. Для других нет твоего мира. У них, у каждого, свой собственный. И у меня тоже. Будь собой!

Также неожиданно всё закончилось, и Хакуин пребольно шмякнулся оземь, не удержавшись на верхушке дерева. Встал, потирая ушибленный бок, покачал головой и заметил:

– Как бы там ни было, а земля всё одно твёрдая.

Бодхидхарма только улыбался.

ТЕНИ

Хакуин сидел на камушке возле пещеры Учителя и задумчиво разглядывал пушистые кроны деревьев, усыпанных по-летнему тёмно-зелёной листвой. По небу быстро летели курчавые облака, отражаясь тенями на этих деревьях. Казалось, что сами представители флоры то загорятся изнутри изумрудно-золотым светом, то опять потухнут. Мысли адепта срывались обрывками вслед за бегущими тенями, а на душе поселилась едва ощутимая печаль. Спроси – и сам бы не смог сказать отчего.

Бодхидхарма в тот день совершенно не мог медитировать: на вершине скалы шумно выясняла отношения парочка аистов, громыхая клювами и оглашая окрестности матерной руганью. По-птичье, конечно же. Хотел, было, Учитель камнем в них пулнуть, да быстро сообразил, что это у них семейное, а в личные дела он не любил соваться. Пускай их. Поругаются – помирятся, всё в мире относительно.

Вышел Бодхидхарма из пещеры, отвесил Хакуину дежурный подзатыльник и спросил:

– Ну чё, салага, опять всю службу завалил?

– Да вот, – вздохнул адепт рассеяно, – Чё-та сам не знаю, чего хочется, а чего не хочется. Смотрю я на эти вот тени бегущие и чё-та жаль мне их что ли.

– Хм... А чего их жалеть-то? – удивился Учитель. – Бегут себе, никого не трогают. Тебе-то с этого какой прок?

– Да мне до фени, просто я тут подумал: вот мы ж тоже как тени эти – бежим куда-то, меняемся на ходу непрерывно. Сегодня одни, завтра другие. Почему так?

Бодхидхарма почесал в бороде, выудил оттуда пару заблудившихся пчёл, скомкал лоб вроде гармошки и с умным видом произнёс:

– А шут его знает! Тебя это огорчает?

– Не знаю... Вроде нет. Хотя странно это. Вот вчера мне нравилось что-то, а сегодня уже не очень. А завтра, пожалуй, просто позабуду про то, что нравилось вчера. Так же и с тем, что не нравится. Отчего так?

Учитель долго-долго смотрел вслед убегающим облакам. Так долго, что Хакуин задремал незаметно, свернувшись калачиком на камне. Когда же ливанул дождь, то оба быстро очнулись и поспешили укрыться в пещере. Глядя оттуда на стену дождя, Бодхидхарма заметил:

– Мир теней и мир людей имеют несомненное сходство. Только тени изменчивы по причине поверхностей, их отражающих, а человеки сами в себе непостоянны. Иначе они были бы неотличимы от камней.

– В таком случае как я могу кому-то доверять, если нет уверенности, что человек не изменится?

– Не уверен – не доверяй!

– Ага, не джигит – не обгоняй, – передразнил Хакуин. – Как же я узнаю, когда мне быть уверенным, а когда сомневаться.

– Сердце подскажет. Вот сейчас оно тебе чего подсказывает?

– Есть хочу.

– Верно! Это потому что и я этого хочу. А теперь ноги в руки и бегом на камбуз, сам знаешь чего делать!!! – грозно воскликнул Учитель.

Хакуин мгновенно полюбил чистить картошку, а потом долго удивлялся – откуда такая любовь возникла и сразу после ужина пропала. Наваждение, да и только.

ТАЙНА

Как-то раз пришёл Хакуин к Учителю весь в расстройстве. Судя по его кислой физиономии, опять что-то у него на любовном фронте приключилось. Бодхидхарма хотел, было, запульнуть в него сапогом, да передумал. Уж такой любвеобильный ему ученик достался. Ну что ты с ним станешь делать! Видать с детства такой, уже не перекуёшь.

Усадил беднягу на табурет, матэ влил три кружки, заставил тазик лепёшек съесть. Вроде отмяк немного болезный. В глазах что-то едва затеплилось.

– Ну чё, опять влюбился поди? – спросил Учитель.

– Угу.

– И что с тобой не так, а? Ты ж монах, черт тебя дерит!

Не нашёл Хакуин чего ответить и только носом зашмыгал усиленно. Едва не разревелся. Пришлось Учителю подзатыльник ему прописать волшебный. Аж халат на спине треснул. Хакуин мгновенно выпал из мира сего и оказался в удивительном саду.

Всё здесь было словно в мягкой золотистой дымке. Среди фруктовых деревьев, щедро усыпанных сочными плодами, гуляли крайне счастливые человеки, чаще парами. Как-то сразу просёк адепт, что это и есть мир влюблённых. Так тут было хорошо и благостно. Нестерпимо захотелось остаться здесь насовсем. Вон и деваха, просто потрясающе красивая, пальчиком эдак манит, погрызая сочное яблоко.

Только Хакуин метнулся к небесной красавице, раскидав руки и что-то вереща счастливо, как вдруг разлетелся этот сияющий мир на миллион осколков, и наверху адепт с приличной высоты в холодный холмик чёрного песка. Отплёвывался потом долго. Да и глаза запорошило порядком. Когда продрал смотрелки, тут же весь похолодел от

ужаса. Потому как кругом, куда ни глянь, простиралась мрачная чёрная пустыня, едва обозначенная призрачным светом неизвестного происхождения. Неба как такового не было вовсе. Одна чернота.

Только захотел, было, Хакуин заорать диким воплем, как обнаружил Бодхидхарму сидящим на соседнем бархане. Тот улыбался, как ни в чём не бывало, и что-то там чертил веточкой на песке. Адепт поспешно метнулся поближе к Учителю.

– Ну что, побывал в раю? – насмешливо спросил Бодхидхарма.

– Да, Маста! Это было так потрясающе красиво!

– Деваху небось там себе приглядел?

– Ты знал! – воскликнул Хакуин, изобразив на лице крайнее отчаяние.

– Конечно же, знал. Но согласишься, друг любезный, она совершенно не похожа на твою нынешнюю пассию, с которой у тебя траблы?

Хакуин подумал чуток. Потом ещё чуток. Совсем растерялся:

– Не знаю, о Учитель. Та, в раю, конечно же, сказочно красива, но сдаётся мне, что она нереальная какая-то.

Тогда Учитель схватил адепта за шкварник и в один миг перенёс в наш мир. Встряхнул хорошенько, поставил на ноги и произнёс:

– Ибо нет ничего лучше, чем то, что имеешь, потому как дадено тебе по желаниям твоим.

Хакуин собрал гармошкой лоб, почесал в затылке яростно и спросил:

– Ну, скажи мне тогда, о Учитель, почему же они такие странные, эти женщины? Почему мне иногда так трудно понять их?

Бодхидхарма весело рассмеялся:

– Чудак ты, Хакуин! Это ж Тайна! Никто ещё на этот вопрос не смог ответить. Не парься, а действуй!

Хакуину до прозрения оставалось ровно пятьсот лет...

РЕАЛЬНОСТЬ

Однажды летом Хакуин пришёл в пещеру Учителя и молча уселся на пол. На лице читалась некая растерянность, однако женщины тут были ни при чём. Адепт явно не влюбился заново и не объелся мухоморов.

Бодхидхарма спросил, неспешно помешивая овсянку:

– Жрать будешь?

– Не-а. Не хочется чё-та. Я вот тут подумал...

– Зря подумал, – перебил Учитель, – думать, брат, иной раз просто вредно.

Хакуин не обиделся даже, чем ещё больше удивил Учителя. Только чихнул оглушительно и слегка забрызгал помещение соплями. Овсянку тоже чуток. Бодхидхарма молча вывалил продукт нафик, насыпал новую порцию и стал варить полезный завтрак, как ни в чём не бывало. Только прищепку несъёмную повесил на нос ученику. Так, на всякий случай. Хакуин возражать не посмел. Лишь спросил, отчаянно гундося:

– Слышь, о Маста, а вот мир вокруг меня реален?

Бодхидхарма приостановил равномерное движение ложки, взглянул на адепта хмуро.

– А к чему такие вопросы перед завтраком? Аппетит испортить хочешь?

– Да не-е-е... Ну при чём тут аппетит. Я ж вот понять хочу, отчего всё вокруг происходит и имеет место быть. Вот когда меня ещё на свете не было, мир существовал?

– Конечно, существовал. Я то уж точно имелся, – рассмеялся Бодхидхарма.

– Дык вот я о том и говорю: ты тогда уже был, и мир для тебя тоже существовал, а меня не было ещё, дак и мира, значит, моего не было.

– Логично. Но не верно.

– Почему? – не понял адепт.

Бодхидхарма набросал каши в миску, кивнул ученику чтобы лопал не мешкая, а сам закурил трубку. Поиграл бровями кустисто, да и говорит:

– Мир проявленный, сиречь Сансара, существует независимо от наблюдающего его. Есть этот наблюдающий или нет его – пофиг. Другое дело – как видит наблюдатель этот мир. Вот тут для каждого реальность своя собственная. У тебя своя, у брата Пу тоже своя.

– А у тебя? – спросил Хакуин, давясь кашей.

– У меня её вообще нет.

– Как так? – удивился адепт.

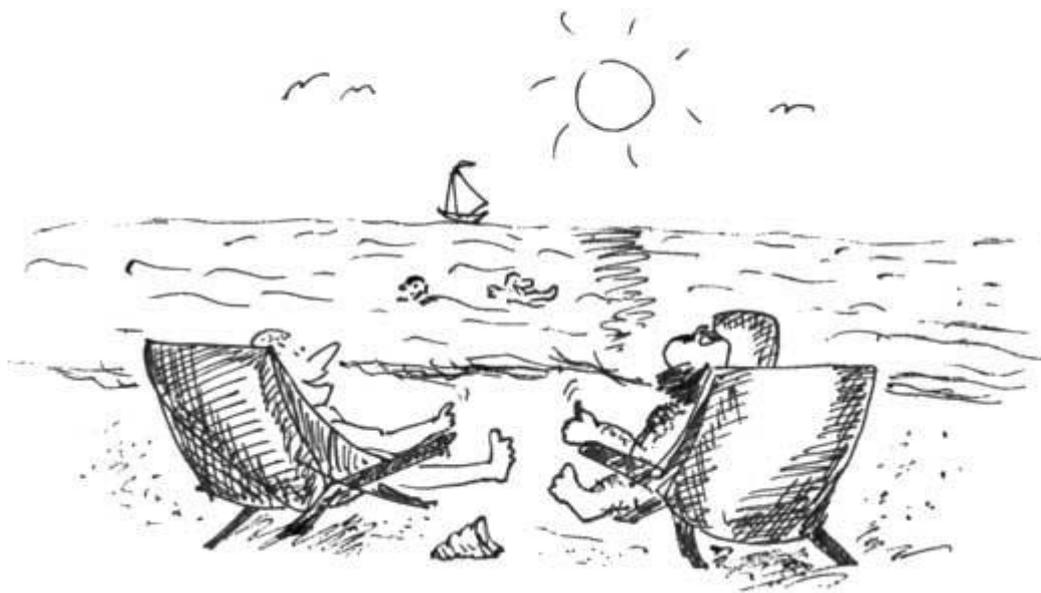
– Жопой об косяк! Нет, тебе говорят, и баста! Жри давай веселее, а то гляжу морщишься чё-та некрасиво. Мне сейчас обидно станет. Я ж старался, ваще!

Хакуин мигом изобразил на лице крайнюю степень восторга и срубал порцайку весьма поспешно. Перестарался с восторгом-то. Учитель, видя такое дело, добавки набросал щедрою рукою. Хакуин чуть не подавился от злости, но промолчал. И эту миску уговорил, только не так быстро. Из-за стола еле выполз. Сказал «спасибо», рыгнул на всю округу и пошёл в палатку свою отлёживаться. Учитель радовался.

Вечером Хакуин выволок из-под подушки дневник и записал:

«Сегодня пришёл к Учителю, дал в зубы и потребовал объяснить про реальность. Маста валялся в ногах, умоляя пощадить. Заставил его сожрать три котла вонючей, противной, склизкой брррр... и гадской овсянки. Про реальность он мне так ни фига и не ответил. Казёл старый, на!»

МОРЕ

Однажды поутру Бодхидхарма бодро так выскочил из пещеры, кинулся камнем в палатку Хакуина и заорал со всей дури:

– Я щас бревно туда запульну! Слышь, олух? Подъём, папу твоего так!

Хакуин не стал испытывать терпение Учителя, опасаясь новых снарядов, и живо метнулся чистить уши и зубы.

После завтрака Бодхидхарма многозначительно икнул и сходу выдал:

– Всё. Баста! Хочу на море. И ты, Хакуин, тоже очень хочешь. И не вздумай сказать нет!

Физиономия адепта расплылась в улыбке от уха до уха. Да чтобы он возражал? Да ни в жисть!

В последующие два часа Хакуин собирал чемоданы, поминутно чего-нить забывая. Мухи и слепни досаждали нещадно, чем ещё больше отвлекали от процесса. Во внутренностях адепта ощущалась та нервная сумятица, которая обычно и случается перед поездкой на море.

В конце концов, Бодхидхарме надоело ждать. Он выволок ученика из палатки, а следом и оба чемодана. Подумал чуток, чемоданы вытряхнул нафиг и оставил только плавки, ласты и маску с трубкой.

Затем оба запрыгнули на верхушку тысячелетней сосны, взмахнули крыльями и уже через пару мгновений оказались на побережье Средиземного моря.

По пляжу гуляли дивной красоты дамочки, форма одежды – топless. Рядом отрывалась с мячиком молодёжь. Группа «качков» гремела железками неподалёку. Серферы носились по волнам как полоумные, а высоко в небе какой-то «висельник» болтался под громадным крылом парашюта. Кругом царило исключительно праздничное летнее настроение, которое только на пляже и случается.

Бодхидхарма и Хакуин сидели в удобных шезлонгах, измазавшись от макушки до пяток кремом для загара, и неспешно болтали ни о чём:

– Скажи, Хакуин, ведь в кайф?

– О йес, Маста! Ваще ништяк!

– По-твоему как, хороша Сансара?

– Чертовски хороша!

– А если подумать? – не унимался Учитель.

– Трижды чертовски хороша!!! – выпалил Хакуин.

– То-то же, – улыбнулся Бодхидхарма, а потом поиграл кустисто бровями, обернулся назад и вежливо попросил:

– Слышь, Квен, ты это, в следующей серии сделай мне нос не сизым, а красным, лады?

– Как скажешь, – ответил я и отправился на кухню заварить свежий матэ.

За окном жарило лето 2006-го...

* * *

To be continued. ;{)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
БЛАГОДАРНОСТИ	4
ЭПИГРАФ	4
САМОСТЬ.....	5
ГРУША.....	6
ПУСТОТА.....	7
КУРЕВО	9
ГРОЗА.....	10
СТАРЫЕ КЕДЫ.....	12
ВРЕМЯ.....	13
ЗАНОЗА.....	15
КНИГА СУДЕБ.....	17
ЛЕТО.....	19
ЗМЕЙ.....	21
ЛЕНЬ.....	23
МИР	24
ТАРЕЛКА БОРЩА.....	25
МУЗЫКА.....	28
РЫБАЛКА.....	30
ПРО ЛЮБОВЬ	31
ЖЕЛАНИЯ	33
ПРИЧИНА	34
ПЕЧЕНЬЕ	36
ХАЛЯВА	37
ДВОЙНИК.....	39
ЗАГАДКА.....	41
СПЕШКА.....	42
ОБИДА	44
ДУМЫ.....	45
ВАЖНОСТЬ.....	46
ВЕСНА.....	48
СОН.....	50
ЧЕРВЬ.....	51
ГОРА.....	53
КАМЕНЬ	56
ЖАРА.....	58
ДИАЛЕКТИКА	59
СОК.....	61
ХУДОЖНИК.....	63
ПУСТЫНЯ	65
ЧТО ТАМ?.....	67
SEX.....	68
ОЖИВШИЙ МЕРТВЕЦ.....	69
УТРО.....	71
ДРУГОЙ СОН.....	72
ЗАБОЛЕЛ	75
ЖАДНОСТЬ.....	76
ЗЛОСТЬ	78
РЕВНОСТЬ.....	80

ТЕНИ	83
ТАЙНА	84
РЕАЛЬНОСТЬ	87
МОРЕ	88
СОДЕРЖАНИЕ.....	91